

Отдѣльные нумера въ Петроградѣ СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ (75) коп., въ провинціи ВОСЕМЬДЕСЯТЬ (80) коп.,
на станц. жел. дор. 85 коп.

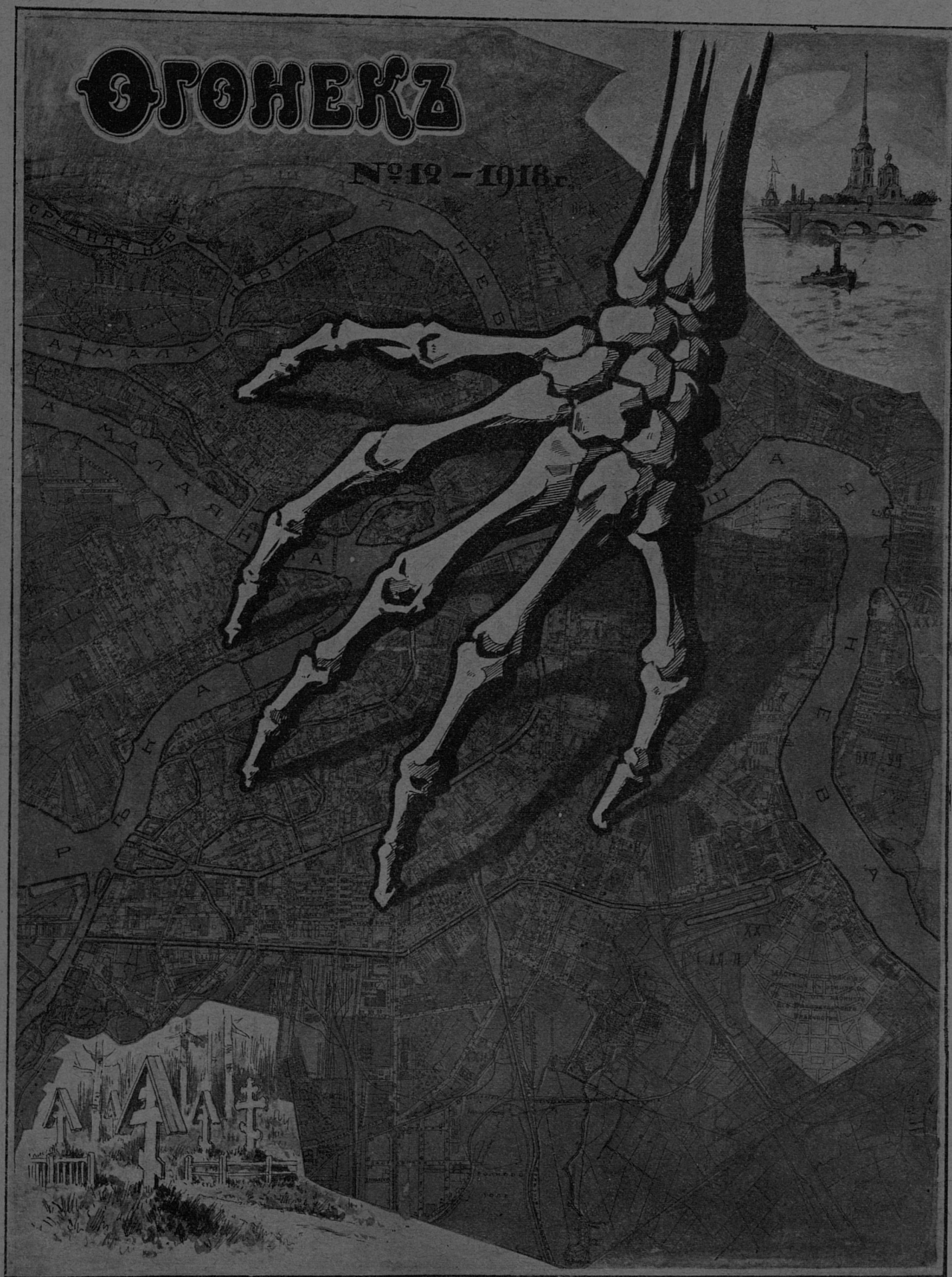

Рис. для „Огонька“ худ. М. АНДРЕЕВА.

ЭТИ ДНИ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Рисунокъ для „Огонька“ худ. М. В. РОШКОВСКАГО.

Изъ-за кости.—Борьба двухъ голодающихъ.

Дѣйствительный случай (единственный-ли?) на дворѣ одной изъ общественныхъ столовыхъ.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

Еженедельный художественно-литературный журнал

Огонек

Годъ изданія 11-й.

№ 12

Воскресенье, 26 (13) мая 1918 г.

№ 12

Перепечатка литературного, художественного и фотографического материала „Огонька“ безъ полного указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Разсказъ А. В. АМФИТЕАТРОВА.

Иллюстраціи художника журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВА.

Зашелъ ко мнѣ старый знакомый, много лѣтъ невиданный. Я, правду сказать, считалъ его даже не въ живыхъ. А вдругъ оказался цѣль, невредимъ, здоровъ и даже вотъ одновременно бѣдуемъ въ Петроградѣ... Обрадовался я ему, а онъ говоритъ:

— Давно я собирался васъ провѣдать, а сейчасъ, знаете ли, почему пришелъ?

— Дѣло, вѣроятно, какое-нибудь?

— Какое! Просто, попалъ мнѣ въ въ руки «Огонекъ»*) съ вашимъ разсказомъ «Поэтессы и вѣдьмы», гдѣ вы поминули Дунечку Алымову...

— Ба-ба-ба! Петръ Петровичъ! Да неужели старая любовь не ржавѣтъ?!

— Ну, какая тамъ старая любовь! Такъ... мальчишествовалъ... Ну, а молодость вспомнилась... Вотъ и захотѣлось васъ повидать, какъ товарища дней былыхъ...

— Можете даже прибавить: соучастника...

— Да... Всѣ мы въ эту дѣвочку вѣрившись были... Вы то, я помню, не очень, больше за компанію съ другими...

— Да, у меня смолodu былъ на это характеръ легкій...

то даже подумывалъ, не кончить ли мнѣ жизнь свою...

— А развѣ пропала?

— А вы и не знали?

— Нѣтъ, я съ того лѣта въ тѣ мѣста никогда не заглядывалъ и какъ то быстро растерялъ всѣ связи съ тамошними...

— Пропала, батюшка! — вздохнулъ Петръ Петровичъ, — и преудивительно пропала!

— Да, удивительное то что-нибудь должно было непременно приключиться съ нею... Такой типъ...

— Ну, а все же, что именно она начудила, этого вы врядъ ли ожидаете...

— А вы не интригуйте, не заставляйте угадывать, а лучше разскажите...

— Вамъ—охотно... Вообще то я эту исторію вспоминаю безъ всякаго удовольствія...

— Приключилось это послѣ того, какъ мы съ вами гостили у Алымовыхъ въ ихней Ряси, черезъ два года на третій. Я въ то мое студенческое время, бывало, чуть экзамены свалю, — тотчасъ же туда, въ страну любви моей... Живу по сосѣдству, въ Киткинѣ у Грушницкихъ, а всѣ дни, конечно, въ

Ряси у Алымовыхъ... Но въ это лѣто я запутался въ Питерѣ съ дѣлишкомъ однимъ мѣсяца на полтора и попалъ въ Рясю только въ половинѣ іюля... Старикъ Грушницкій встрѣчаетъ меня:

— А! Донъ-Кихоть, рыцарь Ламанчскій! Добро пожаловать! Что? Опять пріѣхалъ ухлыстывать за прелестной, но непреклонной Дульциней? А ея, братъ,—тю-тю! больше нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?!

— Да, такъ, очень просто: была и вся вышла...

— Умерла?!

— А кто ее знаетъ?—можетъ быть, и умерла... Но, во всякомъ случаѣ, изъ нашихъ мѣстъ исчезла безслѣдно, и гдѣ находится въ настоящее время, сіе никому неизвѣстно...

И разсказываетъ мнѣ, что уже мѣсяца два тому назадъ, въ маѣ, Дунечка Алымова отправилась изъ Ряси погостить къ замужней сестрѣ своей, Сонечкѣ Копыловой, въ ближе село Воздвиженское. Пробыла тамъ два дня и отправилась въ возвратный путь съ попутчицей, торговкой изъ села Введенскаго, которая взялась ее подвести. Дунечка доѣхала съ торговкою, лѣсною дорогою, до ближайшей къ Ряси просѣки—этакъ въ верстѣ отъ своей усадьбы. Тутъ попросила ссадить ее, говоря, что хочетъ размять ноги и дойдетъ до дома пѣшкомъ—лѣсомъ, напрямикъ. Простила Дунечка съ торговкою, ушла за кусты и деревья—

*) См. № 3.

и съ тѣхъ поръ всякій слѣдъ ея пропасть, словно провалилась сквозь землю.

въ которомъ она объясняетъ свое исчезновеніе вполне удовлетворительно. А

Монахова хорошо, давно и хвалять: Василій Сергѣевичъ — человѣкъ, молъ, бѣдный, но способный, трезвый, работящій,—долженъ выйти въ люди! Молодая жена его, Авдотья Яковлевна, съ которою купцы только теперь познакомились, произвела на нихъ тоже очень хорошее впечатлѣніе: красивая и степенная, тихая... Последняя аттестація звучала нѣсколько странно для порывистой и своенравной Дунечки. Но кого не мѣняетъ бракъ — въ особенности счастливый,—настолько по любви, что даже, вонъ, съ романтическимъ уходомъ изъ дома?

Письмо изъ П. сняло съ Анны Евграфовны тяжесть опасеній, которыми она жестоко перемучилась за это долгое время. Она нѣсколько разгладила морщины на лбу, хотя кое-что въ извѣстіяхъ о Дунечкѣ продолжало смущать ее неопредѣленностью.

Время шло, и прошло его довольно много. Года два, если не три о Дунечкѣ, когда то Алымовой, нынѣ Монаховой, родная семья получала раза два-три неясныя вѣсти, въ видѣ поздравительныхъ писемъ, приходившихъ изъ разныхъ отдѣльныхъ мѣстностей: то изъ Тифлиса, то изъ Житомира, то изъ Самарканда... Видно было, что Дунечка ведетъ жизнь кочевую, а зачѣмъ, при какихъ занятіяхъ,—изъ писемъ не слѣдовало. Однако, писала всегда весело; чувствовалось, что живетъ Дунечкѣ хорошо, и она своей судьбой довольна. Но внезапно все успокоеніе Анны Евграфовны разлетѣлось прахомъ — отъ письма, полученнаго ею изъ Сибири, отъ другой падчерицы, Дашеньки, замужемъ за богатымъ горнопромышленникомъ Пряниковымъ.

— А у насъ, маменька,—писала Даша Пряникова,—новый помощникъ дирек-

«...А! Донъ-Кихотъ, рыцарь Ламанчскій! Добро пожаловать!...»

Лѣсъ, въ которомъ Дунечка исчезла,—мѣсто не только совершенно безопасное, но даже—для той гиблой стороны—сравнительно бойкое, такъ какъ прорѣзаны проѣзжими дорогами съ Воздвиженскаго на Введенское и отъ Ряси и Киткина туда же и въ городъ Пенъ. Звѣрь, кромѣ зайцевъ, которыхъ видимо-невидимо, сюда не забѣгаетъ; лихому человѣку, чтобы уволочъ дѣвушку въ лѣсную трущобу, неоткуда взяться... Окрестности были обысканы и искожены съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ, даже съ собаками: ничего не нашли! Ужъ именно, будто земля поглотила дѣвушку. Поставили на ноги полицію въ двухъ уѣздахъ,—нѣтъ, не помогло...

Семья, конечно, была въ отчаяніи, но больше всѣхъ огорчалась мачеха пропавшей, Анна Евграфовна, предвидя, что обвиненіе въ Дунечкиномъ исчезновеніи падетъ всею тяжестью на нее:

— Хорошо же, молъ, жилось падчерицѣ отъ мачехи, если сбѣжала изъ родного дома!

За жизнь Дунечки она не опасалась. Въ то время, какъ почти всѣ строили самыя страшныя и мрачныя предположенія, Анна Евграфовна угрюмо твердила:

— Кабы померла, давно нашли бы. Удавилась—тѣло висѣло бы. Звѣрь съѣлъ—кости оставилъ бы. Разбойникъ въ лѣсъ увелъ—хоть тряпочку обронила бы, хоть волосокъ на кустахъ, либо репейникъ болтался бы... Нѣтъ, она жива. А ужъ какой ей и намъ оттого теперь позоръ будетъ,—это поживемъ-увидимъ...

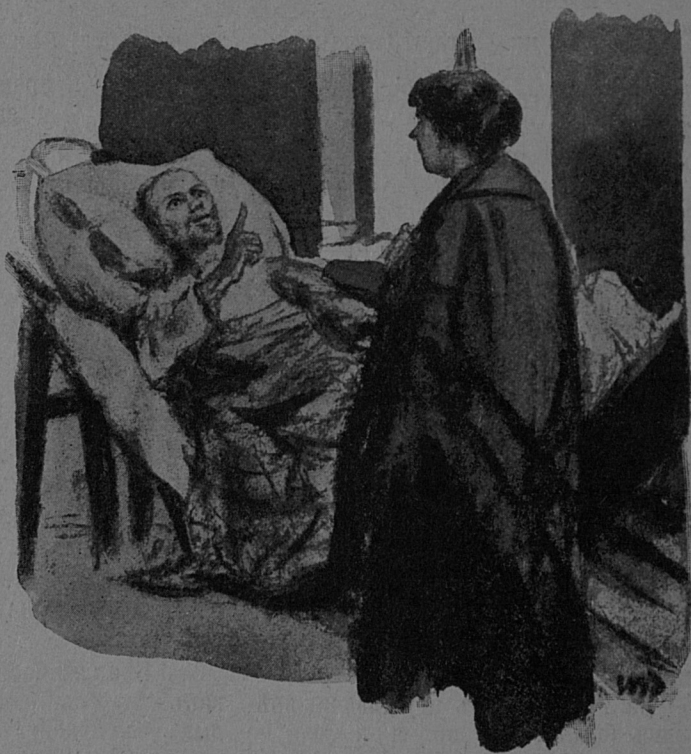
Въ этомъ положеніи Петръ Петровичъ засталъ дѣло и, какъ говорить, съ горя едва жизнь не кончилъ. При немъ же, однако, къ осени, приняло оно другой оборотъ.

Однажды Анна Евграфовна пріѣхала въ Пенъ къ исправнику съ заявленіемъ, что проситъ поиски прекратить, такъ какъ отъ Дунечки получено письмо,

именно: полюбила человѣка, выйти за котораго по согласію родителей не надѣялась, и потому скрылась съ нимъ уходомъ. Уже обвѣнчались и поселились въ П., дальнемъ городѣ внутренней Россіи. Что дальше будетъ—не знаетъ, а покуда живутъ тамъ...

Подписалась Дунечка фамиліей Монаховой, которая подарила семью новымъ недоумѣніемъ. Монаховыхъ въ Пневскомъ уѣздѣ нашлось нѣсколько, но всѣ оказались на лицѣ и ни къ какому романтическому похищенію не касательны. А какого чужака Монахова могла Дунечка тайно узнать въ своемъ захолустѣ, гдѣ жизнь всѣхъ у всѣхъ на виду, когда и какъ она успѣла полюбить его до рѣшимости бѣжать съ нимъ, оставалось непостижимымъ.

Въ П. — городѣ, означенномъ Дунечкою, оказались у Анны Евграфовны знакомые. Къ нимъ полетѣло отъ нея порученіе найти молодую чету и отписать зачѣмъ, что и какъ. Знакомые нашли, однако, не самихъ молодыхъ Монаховыхъ, но купеческую семью, въ которой тѣ обрѣли гостепріимство во время своего пребыванія въ городѣ, очень короткаго. Теперь же Монаховы покинули П — скіе края и перекочевали куда то очень далеко въ Сибирь, гдѣ Монаховъ, по образованію горнякъ, маркшейдеръ, получилъ хорошее мѣсто на приискахъ. Купцы знаютъ

«...Я давно зналъ, что эта Монахова не ваша Дунечка...»

тора, Василій Сергѣевичъ Монаховъ. Когда мужъ назвалъ мнѣ его, я очень обрадовалась, надѣясь, что это мужъ

сестры Дуни, потому что имя, отчество и фамилия тѣ самыя, и жену его зовутъ Евдокіей Яковлевной. Но, когда они прибыли на должность, представьте себѣ мое разочарованіе: эта Евдокія Яковлевна оказалась совсѣмъ не наша и даже нисколько на нее не похожа. И, однако, это, дѣйствительно, тѣ самыя Монаховы, о которыхъ вамъ когда то писали по вашимъ справкамъ. Потому что я ихъ выпросила: именно они гостили въ П. въ то самое время и у тѣхъ самыхъ тамошнихъ купцовъ. Но о нашей Дунечкѣ, съ ея исчезновеніемъ, не имѣютъ никакого представленія, — впервые слышатъ. Что значить все это, я ума не приложу, а они очень встревожились и теперь опасаются, не сыгралъ ли съ вами и Дунечкою какой-нибудь мошенникъ скверной штуки, прикрывшись ихъ именемъ?

Сообщеніе Даши Пряниковой взволновало Анну Евграфовну. Она отправилась въ Пенъ—посоветоваться о новыхъ поискахъ съ свѣдующими людьми и, въ особенности, съ закадычнымъ старымъ другомъ, земскимъ врачомъ Андреемъ Васильевичемъ Козловымъ, котораго, вы помните, это чудище Грушницкій, за страсть къ выпивкѣ и буйству, прозвалъ Эминъ-беемъ... Бѣднаго нашего Эминъ-бея Анна Евграфовна застала въ очень плохомъ положеніи. Полузадушенный водянкою, онъ почти не двигался и—съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ—готовился къ неминуемой смерти. Ходить и стоять уже не имѣлъ силы, лежать не могъ—душило, сидѣть тоже—быстро отекали ноги. Такъ онъ придумалъ себѣ позицію: утвердиль—наклонною плоскостію—отъ стѣны къ потолку три гладильныя доски, покрылъ ихъ периною, а внизу приладилъ, тоже подъ угломъ градусовъ въ 45, широкую, обитую войлокомъ, перекладину. На этой странной постели онъ проводилъ свои страдальческіе дни, ни стоя, ни лежа,—не такъ быстро терялъ силы и меньше задыхался... Выслушавъ Козловъ Анну Евграфовну, долго молчалъ, безпомощно чавкалъ губами и вздрагивалъ опухшими закрытыми вѣками, — потомъ глухо пробормоталъ:

— Я давно зналъ, что эта Монахова не ваша Дунечка...

— Ежели зналъ, чего же молчалъ?!

— Хотѣлъ прежде проверить догадку, а, тѣмъ временемъ, болѣзнь свалила... сами видите, на что я похожъ: то ли человѣкъ, то ли трехдневный утопленникъ...

И рассказалъ Козловъ, что, незадолго передъ тѣмъ, какъ ему совсѣмъ свалиться, раннею весною, ѣздивъ онъ на вскрытіе въ самую дальнюю волость уѣзда. На возвратномъ пути задержанъ былъ половодьемъ рѣки Стрыи, которая снесла свои мосты и паромы. Пока наладилась переправа, прошло три дня. За это время, на берегу бушующей Стрыи образовался цѣлый таборъ проѣзжихъ и прохожихъ, алчущихъ понасть на ту сторону. Въ числѣ ихъ были монахи, сборщикъ на книжку, человѣкъ старый, сѣдой, степенный, молчаливый, трезвый. Андрей Васильевичъ каждый день подавалъ ему то пятакъ, то гривенникъ. Однажды, когда онъ снабжалъ монаха обычною подачкою, съ ближней телѣги пожилой бородатый мужикъ изъ сосѣдней губерніи, смежнаго съ нашимъ уѣздомъ, замѣтилъ:

«...Милости просимъ, отче честной, въ избу...»

— Напрасно, сударь, балуете дармовѣда. Эти бродячіе монахи ужасные плуты и обманщики. Не денегъ бы ему, а помеломъ по шеѣ...

— Развѣ ты его знаешь?—спросилъ Андрей Васильевичъ.

— Этого не знаю, но перевидалъ ихней братіи достаточно: мало ли ихъ шляется по нашимъ мѣстамъ! Всѣ, поди, однимъ муромъ мазаны... Ну, да этотъ хоть не пьяница и суровый старикъ, одинокій... А съ однимъ подобнымъ, года полтора назадъ, у меня, сударь, вѣдь, какой случай вышелъ...

Лѣтнимъ вечеромъ, около Петрова дня, поступались къ этому мужику въ окошко два монашка. Одинъ—съ книжкою—человѣкъ уже пожилой, лысый, жирный, краснорожій,—видать, что въ кабакъ за чужака не почтутъ. Другой—послушникъ, что ли,—совсѣмъ молодой, еще безбородый, и больно смазливый изъ себя, черноглазый такой, да бѣлозубый. Просятся ночевать.

— Я говорю:—Что же? Гость—Божій посоль, а тѣмъ паче, ежели въ ангельскомъ чинѣ; милости просимъ, отче честной, въ избу. Вошли. Наши дѣвки на молоденькаго уставились во всѣ глаза, но онъ—такой смиренъ, любо взглянуть: глаза въ землю, сидитъ на лавкѣ, нежжикъ свѣсивъ, четки перебираетъ, ни словечушка не говоритъ. А старый—веселый. Поставилъ намъ, за хлѣбъ-соль и ночлегъ, полуштофъ и, пока мы его распивали, такихъ чудесъ и прибаутокъ поразказалъ: соловей! Гдѣ только не странствовалъ, чего только не видалъ: всю Рассею насквозь прошелъ, на Афонѣ три раза былъ, къ Святому гробу прикладывался. Очень занятный человѣкъ! Даромъ, что со свѣтомъ надо на работу вставать, засидѣлись мы, слушая его рассказы, мало, что не до первыхъ пѣтуховъ. Наконецъ, молоденькаго сномъ

смирло, прислонился головенкой къ стѣнѣ, спитъ. Я тоже зазѣввалъ. Говорю:

— Ну, отче, слушалъ бы тебя, золотыя твои уста, и сутки, и двое, да плоть наша немощна—покою проситъ! Вонъ и служка твой сомлѣлъ. Пора вздремнуть, — стелитесь, гдѣ знаете!...

А онъ замаялся и отвѣчаетъ:

— Спаси тебя Христосъ на добромъ хозяйскомъ словѣ, но только намъ съ товарищемъ здѣсь къ избѣ постелиться невозможно, по иному нашему званію. Вонъ у тебя въ семьѣ что женскаго полу. Это намъ уставомъ запрещено—ночевать въ одномъ помѣщеніи съ женщинами.

— Вотъ на!—говорю.—Ежели такъ, куда же мнѣ васъ дѣвать? Особыхъ покоевъ у насъ не припасено.

Отвѣчаетъ:

— Мы люди странные, простые, многого не ищемъ. Ежели охачку сѣнца либо свѣжей соломы, то мы хоть и въ хлѣвушкѣ выспимся...

Ну—какъ можно повалить гостей въ хлѣвушку! Отвелъ я ихъ за огороды, въ клуню: тамъ соломы, съ осени,—гора, лучше пуховой перины... Почивайте съ Богомъ! Только, чуръ, цыгарокъ не палить: неровенъ часъ, деревню сожжете... Говорятъ:

— Нѣтъ, какъ можно, мы—иноки—не курящіе.

Хорошо. Вернулся я въ избу, легъ. Слышу: хозяйка моя не спитъ. Спрашиваю:

— Что ты, баба?

— А меня, — говоритъ, — раздумье взяло: съ чего бы это у молоденькаго монашка были такіа бѣлыя руки?

Я засмѣялся надъ нею:

— Вотъ, говорю, каковъ вашъ переметный женскій полъ: пятидесятый годъ бабѣ, что дѣтей вырастила, теперь внуковъ растишь, а бредишь по ночамъ монашскими руками...

— Да, нѣтъ,—говорить,—это очень удивительно: какъ это можетъ быть въ ихъ званіи и странственномъ житіи? Бѣленькія, маленькія, словно бы даже не мужскія... просто, чудо!

Отвѣчаю:

— И совсѣмъ никакого чуда нѣтъ,—кабы они работали, а то народъ не трудящій, сытый. Только ноги ходьбою мозолятъ, да и то, поди, съ роздыхомъ. А руки у ихняго брата—не болѣе, какъ струментъ для принятія подаянія: диво ли имъ быть сѣлыми и безъ мозолей?

Ткнулъ я этого стараго, прости Господи, чорта ногою въ бокъ. Вскочилъ, протираетъ глаза, забормоталъ:

— Что такое? Что такое?

— Нѣтъ,—говорю,—это ты, чортовъ огурецъ, изволь отвѣчать мнѣ, что это такое?

А та не слышитъ либо притворяется, что ли,—спитъ. Мнѣ, по моимъ совершеннымъ лѣтамъ, показалось гнусно смотрѣть на ея наготу. Плюнулъ я и пошелъ прочь:

— Вотъ,—думаю,—сейчасъ кликну семейныхъ, взбулгачу народъ,—мы вамъ покажемъ!

А старикъ за мною—кубаремъ, бухъ мнѣ въ ноги, ухватилъ за колѣнки, шипитъ, молить:

Что же вы, сударь, думаете? И спорить не сталъ. Пошелъ въ клуню, порылъ въ котомкѣ своей и вынесъ мнѣ двѣ красныхъ и синенькую... Я, однако, не сразу беру, допрашиваю:

— Сказывай, кто вы такіе и откуда?

— А зачѣмъ, говорить, тебѣ знать?

— Затѣмъ,—говорю,—что кто васъ разберетъ? Можетъ быть, вы воры или какіе-нибудь преступники и, отпустивъ васъ, попадешь въ такую бѣду, что и не расхлебать. Сказывай имя и подавай паспортъ.

Онъ отвѣчаетъ:

— Преступленій за нами никакихъ нѣтъ, никого мы не обидѣли, ничего не украли. Именъ же у меня много,—пожалуй, скажу тебѣ любое, и паспортъ найдется, коли ты грамотный. А за-

«...Вотъ такъ оказія... Ахъ вы, пакостники!...»

— И то правда!

Согласились мы со старухой и уснули. Не надолго: со вторыми пѣтухами встали,—сѣнокосъ зоветъ, побрели въ луга. Я семейныхъ пропустилъ впередъ,—думаю: дай заверну въ клуню, провѣдаю гостей, какъ они тамъ? Ежели проснулись, такъ, можетъ,—за хлѣбъ, за соль—поработаютъ съ нами, помашутъ маленько косами, хоть двѣ упряжки—до полудня? Четыре руки, въ горячее время, дорогая помощь...

Заглянулъ: спятъ. Старый вытянулся на соломѣ, навзничъ, котомка подъ головой, разинулъ ротъ и храпитъ, точно въ трубу трубить. А молодой—взглянулъ я, такъ и обмеръ: раскидался онъ во снѣ изъ подъ балахончика своего,—и у него—грудь!

Вотъ такъ оказія!.. Ахъ вы, пакостники! Въ моемъ то честномъ дому?!..

— Не погуби! Что хочешь, возьми,—только промолчи... отпусти!

— Нѣтъ,—говорю,—отче преподобный, шалишь: мы васъ свяжемъ и—къ становому...

А онъ:

— Ну, что тебѣ становой? Одна волокита, а теперь время рабочее. Что съ начальствомъ путаться? Становой и съ насъ сдеретъ, и съ тебя сдеретъ,—такъ ужъ лучше, безъ убытку для себя, получи ты съ меня красную бумагу. Уйдемъ мы, куда шли, и никогда больше не объявимся въ вашихъ мѣстахъ...

Что же? Вижу: хотя и блудникъ, человекъ разсудительный, говоритъ дѣло и порядки знаетъ, а красная бумага, для нашего брата, деньги. Однако попыталъ его:

— Врешь! И четвертную отдашь!

тѣмъ—дѣло видимое: что же? мой грѣхъ,—сманилъ дѣвку изъ семьи, и вотъ вожу съ собою... Четвертую недѣлю ходимъ, что селъ и деревень прошли,—все гладко катилось, на тебѣ первомъ нарвались...

Подумалъ я:

— Четвертую недѣлю ходить,—стало быть, шибко дальніе. Въ нашей округѣ ни о какой дѣвичьей пропажѣ не слыхать. Да и дѣвка такая—королева—больно примѣтная... какъ бы мнѣ не знать ее, если бы ближняя? Значить, ежели я ихъ отпущу, то никого изъ шабровъ не обижу и порухи сосѣдской чести не сотворю...

Взялъ бумажки, спряталъ, говорю ему на прощанье:

— Отпустить васъ я, такъ и быть, отпущу, но—какъ же тебѣ, отче, не совѣстно? Мало, что святой санъ носишь,

но посмотри на себя: добро бы ужъ былъ ты молодой человѣкъ. А то—вонъ—у тебя лысина во всю голову, въ бородѣ сѣдина... Пора тебѣ не блудницами съблзняться, но помышлять о душѣ и смертномъ часѣ.

Но онъ:

— Эхъ, кумъ, помышляй не помышляй,—когда придетъ, не узнаешь. Десница Божія, милый человѣкъ, застигаетъ, гдѣ хочетъ, повѣстою не даетъ. Развѣ я вчерасъ, ложась спать, могъ знать, что проснусь предъ тобой въ экомъ срамѣ? А годами ты меня не стыди: плоть человѣческая глупа—годовъ не считается. А, что на счетъ иноческаго сана, то суди не по кафтану, а по человѣку. Я пострига не принималъ, а только былъ въ томъ намѣреніи,—однаже, такъ при ономъ и остался: не удостоилъ, стало быть, Господь принять меня въ свое воинство.

— Ахъ, ты,—говорю,—такой-сякой? Такъ выходитъ еще, что ты даже и не монахъ, а названецъ?.. Тѣмъ поганѣе, значитъ, грѣхъ твой,—что понапрасну бросаешь мараль на иноческій чинъ...

— Въ этомъ,—говорить,—все-конечно, виноватъ, но ты не ругайся, а снисходи: знавалъ я, кумъ, и монаховъ, что хуже живутъ,—развѣ монахъ ужъ и не человѣкъ?

Ну, вижу я: не переговоришь его,—языкъ, что у колокола...

— Ступайте ужъ, молъ, и—чтобы духомъ вашимъ у насъ не пахло!.. А не то...

Быстренько собрались и—только мы съ сѣнокоса и видѣли, какъ они шибко-шибко шагали отъ деревни, проселкомъ, въ лѣсъ...

— Такъ вотъ, сударь,—кончилъ мужикъ,—каковы они бываютъ, бродячіе монашки-то! Вы имъ подаете на доброе дѣло, а они ваши денежки угобжаютъ на водку да на блудъ!

По разсказу мужика, Андрей Васильевичъ сразу заподозрилъ, что подъ видомъ послушника, скрывалась не иная какая блудная, какъ наша Авдотья Яковлевна. Но, съ появленія, въ которомъ она такъ странно мелькнула, прошло уже болѣе двухъ лѣтъ и, съ тѣхъ поръ, понятно, всякій слѣдъ ея простылъ и возстановить его теперь было очень трудно.

Анна Евграфовна выслушала Козлова съ большимъ интересомъ, но и съ сомнѣніемъ.

— Я, батюшка,—замѣтила она,—эти анекдоты объ уведенныхъ странникахъ дѣвицахъ слышу отъ младости... Вралъ, поди, мужичишка отъ скуки... Что я на рѣчныхъ переправахъ ни ожидала паромъ, всегда какой нибудь краснобай выищется: людямъ нечего дѣлать, томятся, рады время убить,—ну, онъ и плететъ, что взбрѣдетъ въ голову... Оно, конечно, Дунька—дѣвка сумасбродная, бѣшеная, верченая, но съ чего бы ей съ какимъ то толсто-пузымъ странникомъ шататься по боль-

шимъ дорогамъ и ночевать по овинамъ? Да и какой же бы это монашекъ могъ ее сманить? Единственно кто въ нашихъ мѣстахъ подходилъ подъ подѣбныя примѣты,—блаженъ мужъ, Пафнутка-сборщикъ... Такъ онъ, покойничекъ, царство ему небесное, потонулъ въ ту самую весну—загодя до того, какъ Дунечкѣ пропасть...

Этого Пафнутку, о которомъ Анна Евграфовна вспомнила столь непочтительно, то есть инока Пафнута и даже отца Пафнута, вы, вѣроятно, тоже вспомните, потому что, бывало, въ Киткинѣ у Грушницкихъ онъ доставлялъ намъ немало развлеченія... Великолѣпно декламировалъ Державина, чортъ его побери!

«...И показывалъ намъ, какъ танцуютъ лезгинку...»

— Какъ же! какъ же!—обрадовался я.—Живо помню! Сборщикъ съ книжкою?

Всюду бывалый странникъ, восхитительный разсказчикъ, еще великолѣпнѣйшій собутыльникъ и поэтъ—кругомъ поэтъ—въ душѣ... Я никогда ни прежде, ни послѣ не встрѣчалъ человѣка, который умѣлъ бы лучше говорить о звѣрѣ, птицѣ, деревѣ, травѣ, ручьѣ... Истинно—съ природою жизнью дышалъ!.. Обладая огромною памятью—особенно, на стихи и, изъ всѣхъ поэтовъ, обожая Державина, читалъ его на память цѣлыми страницами, съ большимъ умѣньемъ, огнемъ и страстью—даже до слезъ на глазахъ. Но лицомъ и фигурою—увы—былъ настоящій Фальстафъ въ подрясникѣ. Хорошо было бы тоже имъ гримироваться для Варлаама въ «Борисъ Годуновъ». Только, что Фаль-

стафъ и Варлаамъ рисуются воображенію грузными великанами, а Пафнутій, хотя и обремененный сверхъ-упитаннымъ тѣломъ и обширнымъ чревомъ, былъ роста небольшого и, если бы не бородатое лицо, походилъ бы на перелѣтую толстую женщину. Подъ порыжѣлою коническою скуфейкою своею, онъ былъ широко лысъ со лба, но сзади и съ бочковъ головы обросъ довольно длинною волосаною бахромою того желтобураго цвѣта, который вѣжливо люди зовутъ каштановымъ, хотя онъ больше похожъ на мокрую мочалку. Лицомъ Пафнутій былъ не то, чтобы безобразенъ, но какъ то ужъ очень... хотѣлъ сказать: смѣшонъ—нѣтъ, не то: коми-ченъ. Бывало, какъ его увидишь, сейчасъ же тебѣ весело и начинаешь улыбаться—самъ не зная, чему. Правда, шутъ и балагуръ онъ былъ ужасный: желтые зубы всегда на оскалѣ отъ смѣха, а желтые глаза то и знай пропадаютъ въ заплывшихъ жиромъ щелочкахъ между красными трясущимися щеками и безбровымъ лбомъ. Не знаю, бывалъ ли когда нибудь этотъ человѣкъ не въ духѣ и могъ ли быть.

— Пафнутій человѣкъ легкій,—говорили о немъ люди,—на него какая бѣда ни свалилась, онъ отъ всего бороденкой своей желтой оттрясется... ужъ такимъ Господь Богъ пустилъ его въ люди козломъ.

Звалъ онъ себя инокомъ, но—былъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, монахъ, или только христардничалъ въ порыжѣломъ своемъ подрясникѣ, ведя странную жизнь сборщика съ книжкою, оставалось неизвѣстнымъ, какъ и то, на что, собственно, онъ собиралъ. Всего вѣроятнѣе, конечно, „на кабацкое постройніе“,—но подъ предлогомъ какого именно монастырскаго благолѣпія или храмоустройства, не припомню. Лѣтъ ему на видъ казалось сорокъ съ хвостикомъ, но, вопреки своей тучности, былъ онъ удивительно проворенъ и легокъ на ногу. Пилъ много, но, выпивши то, и бывалъ особенно любопытенъ. Вино развязывало Пафнутію языкъ, и онъ начиналъ разсказы-

вать про свои удивительныя странствія. А ужъ куда-куда только ни носили этого непосѣду многотерпѣливыя стопы его. Разсказывалъ Пафнутій очень хорошо, образно, съ воодушевленіемъ, —особенно, про Новый Аeonъ и Кавказъ, который онъ почиталъ лучшимъ краемъ на семь свѣтѣ. Воодушевляясь, непремѣнно декламировалъ державинскую оду къ графу Валеріану Зубову, въ которой Кавказъ изображенъ столь велерѣчиво. А то и показывалъ намъ, какъ танцуютъ лезгинку, и танцевалъ превосходно... Конечно, такъ развлекалъ онъ только насъ, господъ, да и то съ оглядкою. За воротами усадьбы, на деревнѣ, кроилъ постную рожу, ханжилъ, святошествовалъ, плетъ побасенки о путѣ земли и песняхъ главахъ, за что и награждался кровомъ, пицею и выпивкою, —и сытъ, и пьянъ, и носъ въ табакѣ.

Какъ всякій человекъ, умѣющій совмѣстить въ себѣ комика съ мистикомъ, онъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ. Бабы къ нему лѣзли, а мужики его били. Уже не разъ ему попадало отъ нихъ такъ основательно, что побои укладывали его въ лежку на цѣлыя недѣли. Но природа наградила его какимъ то резиновымъ тѣломъ, которое только мялось, а не ломалось. Только что успѣлъ пройти слухъ, будто Пафнутія убили,—глядь, а онъ уже самолично у воротъ—хохочетъ и поетъ козлинымъ голосомъ, будто ни въ чемъ не бывало. Погла

дистый философъ этотъ увѣрялъ совершенно серьезно, что человекъ можетъ вытерпѣть рѣшительно все, кромѣ одного: если ему голову отрѣжутъ. О себѣ же лично держался, съ убѣжденіемъ, того мнѣнія, что—кому быть повѣшену, тотъ не потонетъ.

— А чрево мое толстое пузырю подобно и на водѣ меня держитъ, какъ пушинку. Я, на водѣ лежа, скорѣ могу съ голода умереть, нежели на дно погрузиться.... Однако, рокъ судилъ Пафнутію погибнуть именно „мокрою смертью“. Вздумалъ онъ, хмѣльной, перейти Стрѣю, во время ледохода, по льдинамъ. Оступился,—его и затерло льдомъ... По крайней мѣрѣ, такъ увѣряли люди, выставившіе себя очевидцами его гибели... Тѣла его не нашли: должно быть, снесло теченіемъ въ Волгу.

Отвѣчая Дашѣ Пряниковой, Анна Евграфовна, все таки, написала ей исторію, слышанную отъ Козлова, и получила очень быстрый—почта въ почту—отвѣтъ:

— Представьте себѣ, маменька,—писала Даша,—что, должно быть, такъ оно и есть. Я, послѣ вашего письма, еще повыспросила Авдотью Яковлевну Монахову. Она, какъ узнала вашъ рассказъ, ахнула и вскричала къ мужу:—Вася! да вѣдь это тѣ самые монахи, которыхъ мы тогда встрѣтили!...

Затѣмъ шелъ рассказъ, что, когда Монаховы подѣзжали къ П. на перекладныхъ, то нагнали на дорогѣ точно такого пожилого—толстаго и лысаго—монаха-сборщика, сопровождаемаго мальчикомъ-послушникомъ, который пора-

зиль ихъ своею красотою. Дорога шла сосновымъ боромъ, песками, лошади плелись шагомъ, пожилой монахъ брелъ рядомъ съ тарантасомъ и все выпрашивалъ Василя Сергѣевича: кто они такіе, откуда, куда и зачѣмъ ѣдутъ, когда поженились, у кого въ П. останавливаются, долго ли прогостятъ. Теперь Монахова даже вспоминаетъ, что, когда она имъ назвала свое имя и отчество, монахи какъ то странно переглянулись, и молоденькій засмѣялся. Она спросила: чему?—а онъ, сконфуженный, отвѣчалъ:

— Да—очень чудно, какъ оно по-

былъ—переодѣтая Дунечка. Оттого и показалась ей—въ ея иноческомъ маскарадѣ—такъ смѣшна встрѣча съ своею тезкою Авдотью Яковлевною, да еще и Монаховою. А затѣмъ она, съ толстымъ своимъ спутникомъ, вѣроятно, надумалась воспользоваться вывѣданными отъ Монаховыхъ подробностями для того, чтобы замести свой слѣдъ: выдать себя въ письмѣ, посланномъ изъ П. Аниѣ Евграфовнѣ, за эту новобрачную чету—и тѣмъ прекратить поиски, если не навсегда, то надолго... И—успѣли въ своей цѣли.

«...Вы Монаховы, а мы монахи... ха, ха, ха...»

дошло кстати: вы—Монаховы, а мы—монахи... ха-ха-ха!

Старый монахъ тоже засмѣялся и сказалъ:

— Вы не обращайтесь на него вниманія: онъ у меня, часомъ, бываетъ дурашней...

Передъ самымъ П. монахи начали понемногу отставать, отставать и, наконецъ, Монаховы, на поворотѣ, потеряли ихъ изъ вида за кустами.

Сходство встрѣчъ было настолько разительное, что не могло быть объяснено случайнымъ совпаденіемъ. Теперь можно было утверждать почти съ увѣренностью, что молоденькій монашекъ

Со временемъ догадки эти подтвердились совершенно. Узнали и то что Пафнутій, котораго почитали умершимъ, и не думалъ утонуть, а лишь распустилъ слухъ о своей смерти для того, чтобы вѣрнѣе припрятаться отъ большой неприятности.

Одинъ изъ священниковъ въ уѣздѣ, суровый фанатикъ, прослѣдилъ Пафнутія въ дружбѣ съ сектантами въ своемъ приходѣ, съ которыми этотъ батюшка велъ самую нетерпимую войну. А, прослѣдивъ, дошелъ своимъ умомъ до вывода, будто Пафнутій то и есть корень всему злу: бродить по уѣзду, подѣлывать сборы на монастырь, а на самомъ дѣлѣ разносить ересь. И въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ доносъ въ консисторію. А изъ консисторіи послѣдовало отношеніе къ свѣтскимъ властямъ, и, въ концѣ-концовъ, состоялось постановленіе о розыскѣ и арестѣ лица неизвѣстнаго званія и такихъ-то и такихъ-то примѣтъ, име-

нующаго себя инокомъ Пафнутиемъ. Онъ, къ счастью для себя, узнать о пришедшей изъ губерніи бумагѣ въ тотъ же день, какъ она получилась въ Никифоровѣ. И, буквально, сію же минуту, ударился въ лѣсъ, гдѣ по близости къ усадьбѣ Алымовыхъ, онъ издавна зналъ тайничокъ: брошенную избушку—смолокурню.

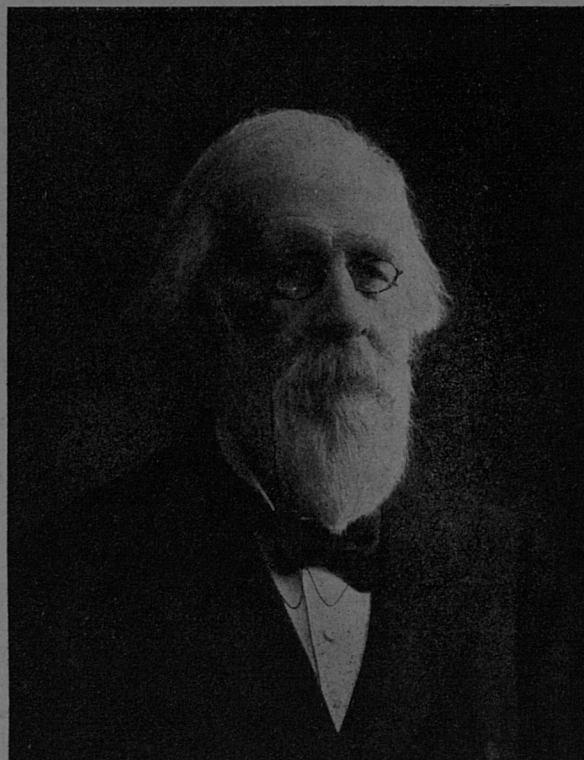
Распространившійся по уѣзду слухъ, будто Пафнутій утонулъ въ Стрѣѣ, очень помогъ его исчезновенію. Полиція обрадовалась возможности отписаться, что, вопреки самымъ тщательнымъ розыскамъ, инока Пафнутія въ Пневскомъ уѣздѣ не оказывается, а, по людскимъ

«...Свидѣтель и участникъ «медоваго мѣсяца» новыхъ судовъ въ Россіи, принимавшій живое участіе въ установленіи тѣхъ нравственныхъ началъ, которыми въ тѣ годы руководилась и должна и теперь руководиться адвокатура, неизмѣнно вѣрный служитель судебныхъ уставовъ, съ болью и чуткостью относящійся къ ихъ искаженіямъ въ практикѣ и законодательствѣ...» — такъ охарактеризовалъ сошедшаго въ могилу перваго русскаго адвоката его старый соратникъ А. О. Кони.

Одинъ изъ старѣйшихъ представителей русской общественности, Д. В. Стасовъ началъ свою карьеру службой въ сенатѣ, которая закончилась для него плачевно. Возмущенный преслѣдованіями студенческой молодежи въ 1861 г., Стасовъ рѣшилъ обратиться съ прошеніемъ на высочайшее имя за подписью своихъ сослуживцевъ по сенату о смягченіи участи арестованныхъ. Результатомъ этой петиціи было увольненіе Стасова изъ сената. Это событіе и предопредѣлило дальнѣйшій путь его общественной дѣятельности.

Принятый 11 апрѣля 1866 года въ числѣ первыхъ двадцати семи человекъ въ ряды только что созданной петроградской адвокатуры и избранный затѣмъ первымъ предсѣдателемъ петроградскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, молодой адвокатъ съ перваго же дня своей новой дѣятельности началъ неуклонно проводить въ жизнь тѣ традиции гуманности, права и правды, которыя именуются теперь не иначе, какъ «стасовскими».

Кончина Стасова особенно тяжела въ переживаемые русской общественностью дни и въ частности для адвокатуры, подвергающейся сейчасъ униженіямъ, которыя врядъ ли приходилось ей испытывать въ самые мрачные періоды русской дѣйствительности.

Патріархъ русской адвокатуры Д. В. Стасовъ.

† 11 мая 1918 г.

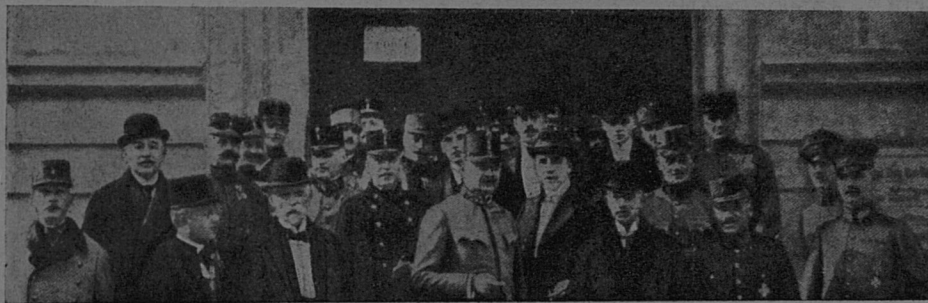
слухамъ, онъ, тогда то и тогда то при такихъ то и такихъ то обстоятельствахъ, утонулъ въ рѣкѣ Стрѣль... И вотъ, на положеніи живого покойника, Пафнутіи спокойно жилъ себѣ, благодумствовалъ въ лонѣ зеленой матери-пустыни.

Очевидно, въ это то время, онъ и свелъ тѣсное знакомство съ Дунечкой

конечно, никому и въ голову не приходило, чтобы изъ декламации державинскихъ одъ проистекли столь неожиданныя послѣдствія... Какъ возникло и развилось между ними сближеніе?.. Увлекло ли Дунечку романическое любопытство къ скрывающемуся и преслѣдуемому «ино-

упла за нимъ и наша очаровательная поэтическая Дунечка — и вмѣстѣ съ нимъ невѣдомо расточилась въ невѣдомой русской дали...

Александръ Амфитеатровъ.

Предсѣдатель польскаго совѣта министровъ Янъ Канты Стечковскій

во время посѣщенія австро-германскаго военнаго генералъ-губернатора въ Люблинѣ.

Алымовой. Поэтическая и восторженная дѣвушка и раньше была добра и внимательна къ чудачу-страннику, съ которымъ ее сближали общая страсть къ стихамъ и чуткость къ природѣ... Но,

ку», охватилъ ли ее мистическій порывъ, просто ли ее, какъ говорится, бѣсъ попуталъ.. Но только, когда «инокъ», соскучившись сидѣть въ своей мурѣ, затѣялъ бѣжать изъ опасныхъ мѣстъ,

Издѣвка.

Ничего никому не скажешь
Ни прозой, ни стихами;
Раздѣленнаго — не свяжешь
Никакими словами.

Свернемъ же дырявое знамя,
Бросимъ острое древко;
Это чортъ смѣется надъ нами,
И надоѣла издѣвка.

Вѣдь такъ въ могилу и ляжешь, —
И придавить могилу камень, —
А никому ничего не скажешь
Ни прозой, ни стихами...

З. Гиппиусъ.

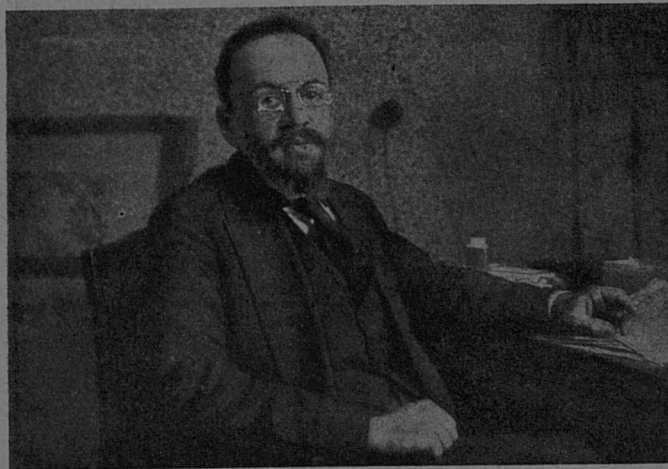
Бѣлая ночь Петрограда.

Бѣлая ночь Петрограда,
Мертвенно-блѣдная ночь,
Какъ презрѣвшая роскошь наряда
Царская дочь...

Ты подобна той леди Годива,
Что въ сознаньи своей чистоты
Шла на подвигъ любви горделиво,
Цѣломудріемъ духа стыдливо
Затмѣвая весь блескъ наготы...

И твоя такъ скромна обнаженность,
Петроградская Бѣлая Ночь,
Такъ строга, холодна — не влюбленность,
А сердце предъ тобой преклоненность
Даръ людской тебѣ, Бѣлая Ночь...

М. Филоматовъ.

Тов. А. Іоффе

посоль социалистической федералистической республики совѣтовъ въ своемъ кабинетѣ во дворцѣ русскаго посольства въ Берлинѣ.

ТЪНЪ ЗНАМЕНИТОСТИ.

Разсказъ М. САЗОНОВА.

— Значить, такъ, Аля... Пиши: только три гастроли извѣстной артистки Буй-Накатовой... Или нѣтъ, подожди... собственно, почему «извѣстной»? Развѣ для насъ существуютъ аттестаты зрѣлости, разные тамъ золотыя медали и цензы? Ерунда какая... Пиши прямо: три гастроли знаменитой... Ты чему улыбаешься?..

Та, которую артистка Буй-Накатова называла Алей, подняла голову и первое, что бросалось въ глаза,—это сходство лицъ. И не только въ общемъ ихъ выраженіи, а въ деталяхъ,—цвѣтъ волосъ, одинаково ломкая раскидистость бровей, крупныя губы, мушка на лѣвой щекѣ, тонкая и длинная шея, схваченная глухимъ, высокимъ воротникомъ.

— Ну, чему ты улыбаешься? Что тут смѣшного?—ужь совсѣмь раздраженно повторила актриса.

Аля слегка склонила голову, приподняла левую бровь, что придавало ей окончательное сходство с лицом Буй-Нака-товой, и продолжая улыбаться, съезжая с уклончивой снисходительностью, ответила:

— Так... Забавно... Да и собственно зачѣмъ вы это спрашиваете, Раймонда Викентьевна? Вѣдь вы и такъ отлично знаете причину моей улыбки...

Брови актрисы еще больше сломились и кончики ихъ вздрагивали при каждомъ словѣ.

— Я тебѣ запрещаю такъ разговари-
вать со мной, дрянная дѣвченка. Слы-
шишь? Я не позволю... ты забываешься...
и потомъ, если я тебя люблю, это еще
не право... Молчать... мол...—и въ этомъ
мѣстѣ актриса сдѣлала жестъ, столь идущій
ей на сценѣ: маленькій подъемъ на
носкахъ и согнутая въ локтъ рука, сжа-
тые пальцы которой производили впе-

чѣтлѣніе угрозы — не то исцара-
пать, не то запустить чѣмъ-то тя-
желымъ.

По ни перваго, ни втораго она не сдѣлала: Аля мягко скользнула на колѣни, цѣлко обняла ея ноги, вытянула шею и, покачиваясь изъ стороны въ сторону съ неподражаемымъ искусствомъ, копировала интонацію актрисы:

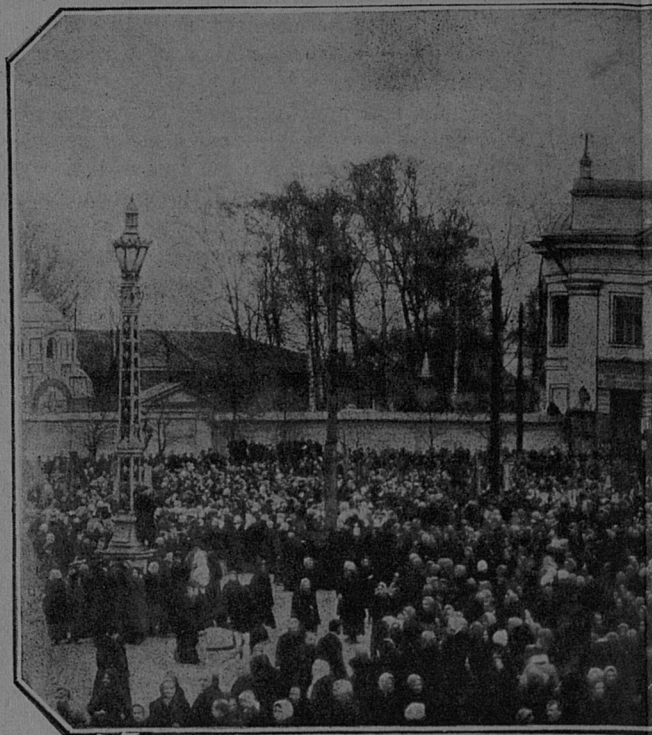
— Только не это... все что угодно, только не раздражайтесь... отъ этого слабѣютъ голосовыя связки и голосъ дѣлается тусклымъ и блеклымъ... какъ у старухи... вѣдь голосъ, о, это не то, что лицо... на него грима не наложимъ... А если такъ, то къ чему слава, извѣстность?.. Посудите сами, — слава и старость. Нѣтъ, ужъ ради Бога не раздражайтесь... Я буду оберегать васъ, зорко стеречь эту проклятую старость... хотя бы ужъ потому, что сама не хочу старѣть... Вѣдь вы же знаете, Раймонда Викентьевна, что цѣль моей жизни во всемъ, рѣшительно во всемъ быть похожей на васъ...

— Зачѣмъ это, къ чему Аля?

— Да хотя бы затѣмъ, чтобы доказать вамъ, что извѣстность—это одно лишь недоразумѣнiе, которое рано или поздно выяснится. Сове

— Ты говоришь глупости, Алена... ты просто ходячая зависть к моему таланту... ты круглое ничтожество... хуже того, ты больной человек... ведь только болезнью и можно объяснить твою настоячивость... Вот, например, про тебя рассказывают, будто ты вбиваешь ноги в 12-ый

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОДЪ

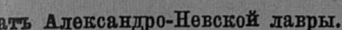
Голова крестного хода достигла вр

Совершенно необычайный по высокому религиозному подъему и величавости Пасхальный крестный ход в Петроградъ въ воскресенье, 12 мая (29 апрѣля). Въ пасхальномъ крестномъ ходу участвовало, по подсчету социалистической прессы, около 10 тысячъ крестниковъ. Главнѣйшія лавры стали стекаться крестные ходы со всѣхъ приходо-выхъ и монастырскихъ церквей. Изъ Обуховскаго и Путиловскаго заводовъ, съ о. Голодаго, изъ Новой Деревни, изъ с. Архангельскаго и Смоленскаго. По окончаніи литургіи въ лаврахъ началась первая молебенъ, а затѣмъ крестный ходъ, при пѣніи «Христосъ Воскресе» и псаломъ. Въ главѣ крестного хода шелъ еп. Геннадій нарвскій, вышедшій во главѣ крестного хода второй молебенъ, по окончаніи котораго соединенныя церковныя хоры пѣли многогласную народную песню, послѣ которой отслужено было молебство междуособной брани и нашествія иноплемениковъ и объ избавленіи церкви отъ своихъ перкамъ.

Въ свѣтѣ чѣмъ полумилліонной массѣ людей, охваченныхъ религіозными офицерами, молодежью и профессорами. Въ этотъ день, «когда безконечная чело-
вало высоко въ воздухѣ подъ весеннимъ солнцемъ золото хоругвей, тѣ-
вѣрущихъ и истерзанныхъ духомъ людей въ нашей коммунѣ».

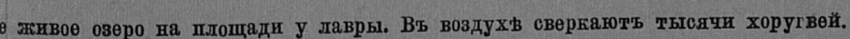
Крестный ходъ движется къ лаврѣ по Невскому пр., разливаясь и образуя цѣло-

нимъ одушевленіемъ, объединились и рабочіе, и солдаты, и генералы, и
уческая лента протянулась отъ Знаменія до Казанскаго собора и свер-
очно племы какихъ-то небесныхъ латниковъ, стало ясно, сколько

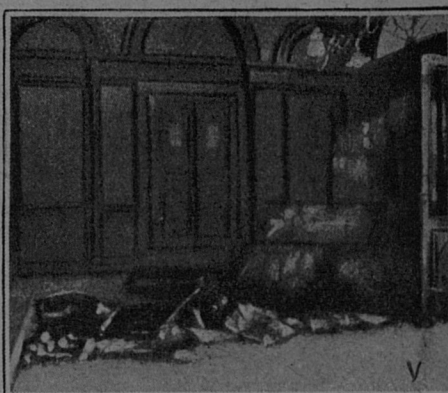
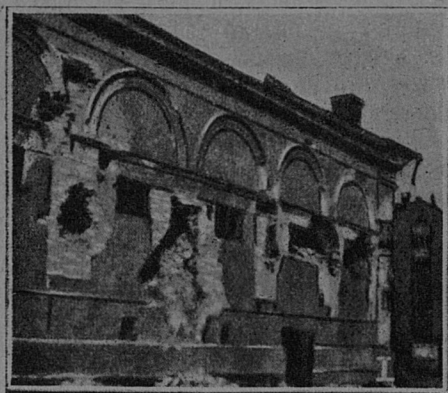
— Но тогда и васъ,
Раймонда Викентьевна,
придется отправить ту-
да же... да и не васъ
одну... все человѣче-
ство... по крайней мѣрѣ
большинство... всѣхъ
тѣхъ, кто чего - то
упорно ищетъ, къ

— Боже, какія мы глупыя... Позвони, Аля, парикмахеру, чтобы приготовилъ мнѣ къ третьему акту рыжій парикъ... И надо позвонить въ «Голосъ»... Я что-то

Въ столицѣ Финляндіи—Гельсингфорсѣ, занятомъ германцами и бѣлогвардейцами

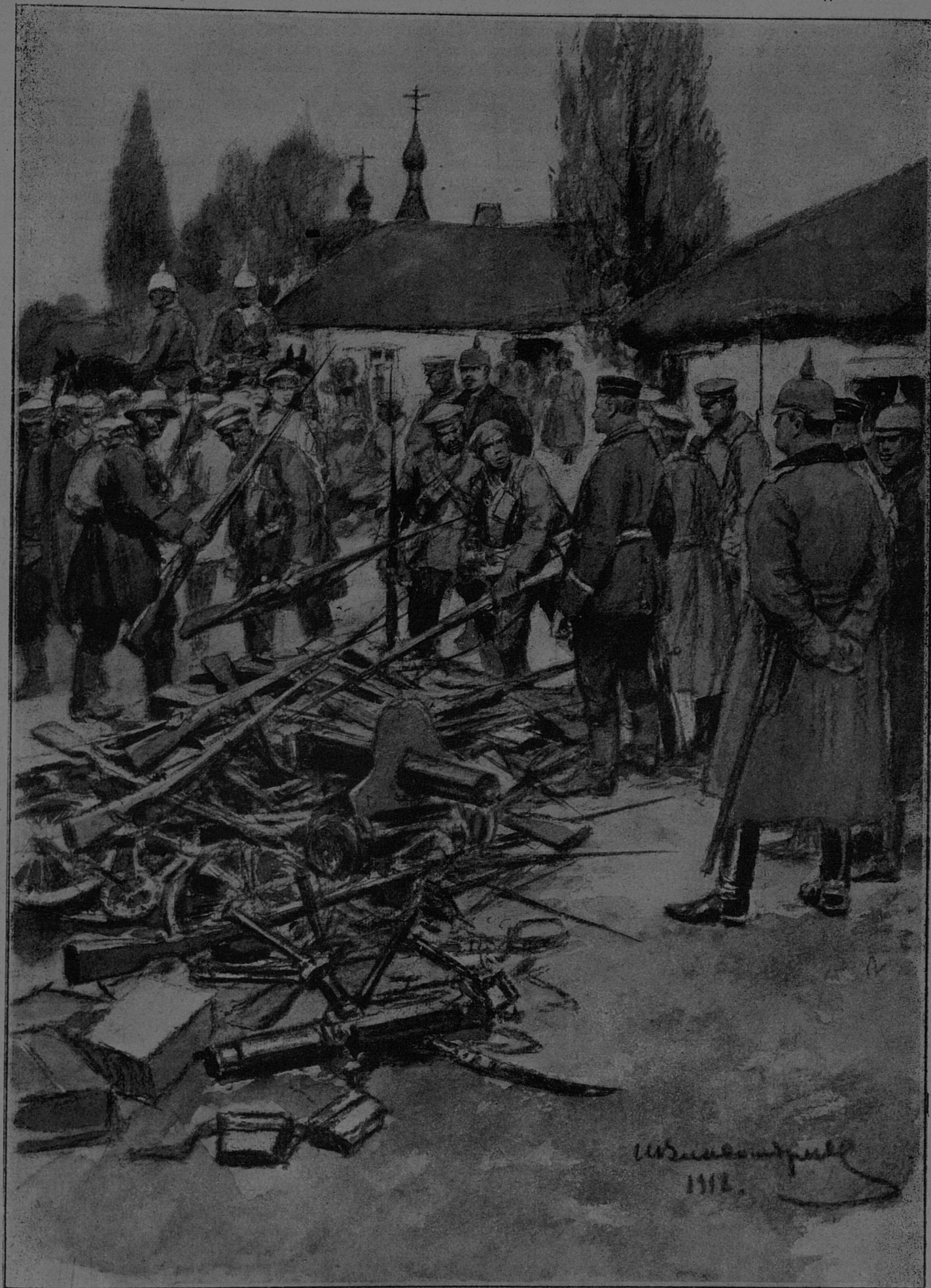
По фотографіямъ гельсингфорскаго журнала „Veckans Krönika“, издающагося теперь на шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

I. Разрушенія въ Гельсингфорсѣ. Гауптвахта послѣ обстрѣла. — II. Братья по оружію: финскій бѣлогвардеецъ и германскій солдатъ. — III. Разрушенія въ Гельсингфорсѣ. Табачная фабрика Бергстрема, въ которой засѣли красногвардейцы. — IV. Спальня красной гвардіи въ одной изъ залъ финляндскаго сената, очищенной отъ красногвардейцевъ. — V. Варрикады изъ бумажныхъ книгъ въ вестибюлѣ сената. — VI. Въ финляндскомъ „Смольномъ“. Домъ генераль-губернатора Финляндіи былъ превращенъ въ штабъ-квартиру финскихъ совдеповъ. Бѣлогвардейцы иронически прозвали его „Смольнымъ“. — VII. Угощеніе нѣмецкихъ войскъ финками. Въ одинъ день было роздано свыше 2.000 литровъ молока... — VIII. 1) Главнокомандующій нѣмецкимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ Финляндіи ген. графъ фонъ-деръ-Гольцъ. 2) Глава нѣмецкой эскадры въ финляндскихъ водахъ контръ-адмиралъ Мейереръ. 3) Нѣмецкій комендантъ Гельсингфорса полк. фонъ-Чирскій. 4) Его помощникъ капитанъ фонъ-Фалькенгорстъ.

(Отъ гельсингфорскаго корреспондента „Огонька“).

Съ момента вступленія германцевъ (12 апрѣля ст. ст. около 7 час. веч.) жизнь Гельсингфорса рѣзко измѣнилась. Послѣ 2-хъ дневныхъ боевъ 12—13 апрѣля, улицы наполнились массами нарядной публики, съ любопытствомъ осматривавшей поврежденія недавно обстрѣливаемыхъ зданій. Всюду нѣмецкіе солдаты и матросы. Изливъ свои симпатіи открыто къ нѣмцамъ, финны и, въ особенности, „шведская партія“ начали свирѣпствовать по отношенію къ русскимъ. Были случаи отказа продавать товары изъ магазина русскимъ. Быстро городъ принялъ чистый, опрятный видъ, причемъ плѣнные „красные“ первые два дня руками подбирали мусоръ на площадяхъ. Русскіе матросы и солдаты, взятые въ плѣнъ германцами и бѣлой гвардіей, принудительно, но великолѣпно исполняютъ обязанности деньщиковъ германскихъ матросовъ. Такъ, въ морскомъ собраніи они подметають дворъ и, если поднимають при работѣ пыль, то германскіе матросы кричатъ: „воты! воты!“ Солдаты поливаютъ дворъ и продолжаютъ работу. Добросовѣстно чистятъ они тюфяки и одѣяла германскихъ матросовъ, невольно позабывъ [объ „Интернаціоналъ“... Слухи о возстаніи на „Вестфаленѣ“ не подтверждаются. Германскіе матросы говорятъ: „если среди насъ и имѣются социалисты, то во всякомъ случаѣ не свиньи“. Насчетъ революціи въ Германіи они не допускають и мысли. Другіе русскіе, оставшіеся на корабляхъ, присмирѣли, работаютъ безъ принужденія и избѣгаютъ показываться въ городъ. Русскіе корабли, стоявшіе въ моментъ прихода нѣмцевъ подъ Андреевскимъ флагомъ, будутъ выпущены въ Россію, а на которыхъ были красные и коммерческіе флаги занимаються вооруженными бѣлогвардейцами. Всѣ общественныя русскія зданія секвестрованы. На улицахъ города идетъ усиленное обученіе германскими инструкторами бѣлогвардейцевъ. Въ послѣдніе дни германцы реквизируютъ кофе, причемъ въ обмѣнъ на кило кофе обѣщаютъ 2 кило муки. Германскіе матросы и солдаты усиленно скупають мыло и табакъ въ Гельсингфорсѣ. Отношеніе къ гражданскому русскому населенію отвратительное, въ особенности послѣ приказа ньюландскаго губернатора въ 3-хъ дневный срокъ покинуть городъ. Отстрочка давалась лишь тѣмъ, кто подавалъ прошеніе съ рекомендаціей двухъ видныхъ бѣлогвардейцевъ. Продовольствія русское населеніе отъ города не получало, и сейчасъ объ этомъ мечтать не приходится. Въ шведскихъ газетахъ появились объявленія о купкѣ аннулированныхъ русскихъ процентныхъ бумагъ...

Разоружение Украины германцами.

Для болѣе быстрого водворенія „порядка“ на Украинѣ германскія военныя власти рѣшили совершенно разоружить всѣхъ жителей деревень и всѣхъ дезертировъ и демобилизованныхъ солдатъ, снабжавшихъ крестьянъ не только ружьями, но и пулеметами съ громадными запасами патроновъ и проч. Съ этой цѣлью германцы образовали цѣлую сеть мелкихъ отрядовъ, которые объявили населенію срокъ и мѣсто сдачи всего военнаго огнестрѣльнаго оружія. Населеніе, измученное безконечными тревогами и стрѣльбою, кое-гдѣ даже съ охотой и быстротой сдало всѣ винтовки, пулеметы и даже кинжалы и старыя сабли германцамъ.

не вѣрю этой газетѣ... Эта дрянъ Діанская интригуетъ противъ меня... Грязная баба... За строку похвалы она готова отдаться наборщику... А какъ убавляетъ годы... Дрянъ... Зато какой трюкъ я придумала со смертью... Лицомъ въ публику... Замѣчательно... Ты поторопись, Аля, съ парикомъ...

* * *

— Госпожа Буй-Накатова дома?

— А какъ прикажете о васъ доложить?

— Скажите... г-нъ Хозрой... просто Хозрой... Или... да это все равно... ска-

ся,—тихо, ни шаговъ, ни голосовъ... Оглянулся: много портретовъ актрисы... Прически и фасоны платьевъ выдавали возрастъ «знаменитой»: эти пышные рукава, въ рюмочку затянутая талія, пышно, хотя и гладко причесанные волосы—вѣдь это же лѣтъ 15 тому назадъ... И между тѣмъ, даже тогда ужъ видная актриса... А потомъ, будто годъ за годомъ, приложенія къ модному журналу,—туалеты менѣе пышны и затянуты, въ прическахъ—торжество парикмахерской фантазій и изобрѣтательности...

Близко раздалися шаги.

одному лишь голосу узналъ бы въ толпѣ... Я счастливъ ужъ отъ одного того, что вы прочтете... это быть... съ центральной для васъ ролью... У насъ нѣтъ актрисъ... Нѣтъ театровъ... и только вы...

— Ахъ полноте... есть прекрасныя актрисы. Напримѣръ Діанская... Правда, ее изуродовалъ режиссеръ... знаете, Бухарскій.. онъ ищетъ... онъ новый... ее изуродовалъ, искромсалъ... теперь она манекень... А жаль... Конечно, виновата сама... Настоящій талантъ не сломишь... вотъ я...

Выставка „Общества Куинджи“ въ Академіи Художествъ въ Петроградѣ.

По фот. для „Огонька“ Кс. Глыбовской

Худ. В. А. Кузнецовъ.—«Вожіи люди» (старообрядцы Урала).

жите, драматургъ... по театральному дѣлу...

Горничная окинула вошедшаго взглядомъ,—такъ пробуютъ въ магазинѣ товаръ, усмѣхнулась и вышла, а г-нъ Хозрой, въ пальто и галошахъ, остался въ прихожей... Стоялъ передъ зеркаломъ, гладили волосы и постукиваньемъ носка думалъ заглушить екающее сердце: приметь—не приметь?

Вновь появилась горничная:

— Пожалуйте въ гостиную... сюда направо... галоши надо снять...тамъ ковры...

— Ахъ, ради Бога... извиняюсь, ради Бога...—и потоптавшись молодой человекъ вошелъ въ гостиную. Прислушал-

На порогъ, слегка придерживаясь за портьеру, появилась Аля:

— Здравствуйте... вы хотѣли видѣть...

— Честъ имѣю кланяться... Очень извиняюсь, но... моя фамилія Хозрой... Я принесъ для васъ пьесу...

— Пьесу? Отлично... давайте вашу пьесу...

— Вотъ,—принялся онъ освобождать рукопись, спеленованную газетной бумагой, а самъ думалъ: «На портретѣ она какъ будто бы старше... Или значительнѣй... съ портретами эти бываетъ... на то ужъ искусство...»

— Вотъ... извольте... Я васъ миліонъ разъ видѣлъ на сценѣ... И по

И Аля, точно такъ-же, какъ это дѣлала актриса, принялась рассказывать о себѣ: какая она хорошая, талантливая, безпокойная и горячая...

Она сгоритъ... Скоро... О, и молодость не спасетъ... Ей вѣдь 29 лѣтъ...

Драматургъ взглянулъ на портретъ съ пышными рукавами и таліей, стянutoй въ рюмочку, подумалъ:

«Что-же... быть можетъ, онѣ, актрисы правы, считая свой возрастъ не со дня рожденія, а отъ первой рецензій...»

— А когда я могу узнать отвѣтъ?...

— Отвѣтъ?—Аля сдѣлала озабоченное лицо. Конечно, она думаетъ не о пьесѣ. Но вѣдь и актриса рѣдко думаетъ о

Еому живется весело, вольготно на Руси...

Моментальный снимокъ нашего корреспондента-фотографа, сдѣланный въ трактиръ на Сѣнной площади, послѣ длительного „объясненія“ кутащаго товарища-мѣшечника съ драгоценной бутылкой настоящаго коньяку.

томъ, что у ней спрашиваютъ. Столько дѣлъ, настоящихъ, неотложныхъ: портниха, закулисные интриги... морщинки... Изъ всѣхъ этихъ кусочковъ шьется слава.

— Черезъ недѣльку... только сперва за телефону...

— Честь имѣю кланяться...

Аля думаетъ, и она увѣрена, это самое пришло-бы на умъ актрисѣ:

— А мальчикъ ничего... Правда, такіе рѣдко и шутъ удачно... но сънимивмѣсть пріятно работать надъ пьесой... послѣ такой обработки пьеса неузнаваема... Зато двое хорошо познаютъ другъ друга...

* * *

Черезъ недѣлю къ Хозрою вышла сама Буй - Нака-това.

— Я прочла вашу пьесу...

Она сдѣлала значительное лицо и авторъ подумалъ:

— Вотъ теперь она

совсѣмъ, какъ на портретѣ...

— Видите - ли... пьеса интересная... и языкъ, и положенія... Но шесть дѣйствій, какъ хотите, это слишкомъ... Максимумъ—четыре...

— Но въ пятомъ и шестомъ вся суть... тамъ, гдѣ героиня состарившись...

— Ерунда... то же самое героиня можетъ сказать и безъ старости... Вы не подумайте, чтово мнѣ говорить кокетство, нѣтъ... Я просто спасаю вашу пьесу... и потому, мое лицо, — его никакъ не сдѣлаешь старымъ... За чѣмъ смѣшить публику...

Вошла горничная и позвала:

— Барыня!

— Меня? Pardon... Я на минуту...

И актриса ушла.

Ей на смѣну пришла Аля. Она стояла за дверью и слышала весь разговоръ.

И опять молодой человѣкъ не замѣтилъ мистификаціи...

Рѣшили черезъ нѣсколько дней поговорить снова.

А когда за Хозрою захлопнулась дверь, въ гостиную вошла актриса.

— Вотъ видите, — побѣдно встрѣтила ее Аля, — онъ не отличилъ.

Актриса опустилась въ кресло, растерянно оглянулась.

— Онъ просто глупъ и недалекъ... — Шевельнула пальцами, будто стараясь за что-то уцѣпиться, схватить.

Аля приготовилась сказать что-то жесткое, но, взглянувъ на собесѣдницу, пожалѣла и только улыбнулась: — Все возможно... все...

— А вдругъ, другое... вдругъ — ты, просто, талантлива, Алена? — и свои слова актриса пояснила жестомъ, ни разу не использованнымъ для публики.

Аля покачала головой.

— Нѣтъ... Я только упрямая и настойчивая... Но дѣло даже не въ томъ... Главное, что насъ не отличаютъ, меня, фокусницу, отъ васъ — таланта... И очень обидно, остатокъ жизни доживать въ слѣпотѣ, какъ вы...

Актриса устало и безъ вѣры словамъ торговалась.

— Какой-же это остатокъ и при чемъ тутъ слѣпота? А если ты думаешь про лицо, — такъ это отъ грима... Но вообще-то...

Аля сжала руки.

— Да не только лицо, Раймонда Викентьевна... И душа ваша и сердце,

Всѣ лавки закрыты наглухо, такъ какъ въ нихъ продавать можно только по казеннымъ цѣнамъ, а также въ виду ежеминутной опасности реквизиции и налетовъ. Зато торговля по свободнымъ цѣнамъ идетъ весьма бойко на самой площади и на панеляхъ у лавокъ. Главный поставщикъ Сѣнной — товарищ-мѣшечникъ, для котораго не страшны никакіе декреты. Отъ мѣшечника провиантъ попадаетъ въ руки, точнѣе въ корзины „свободныхъ торговцевъ“, а затѣмъ уже, вѣроятно, не по пониженнымъ цѣнамъ, къ обывателю.

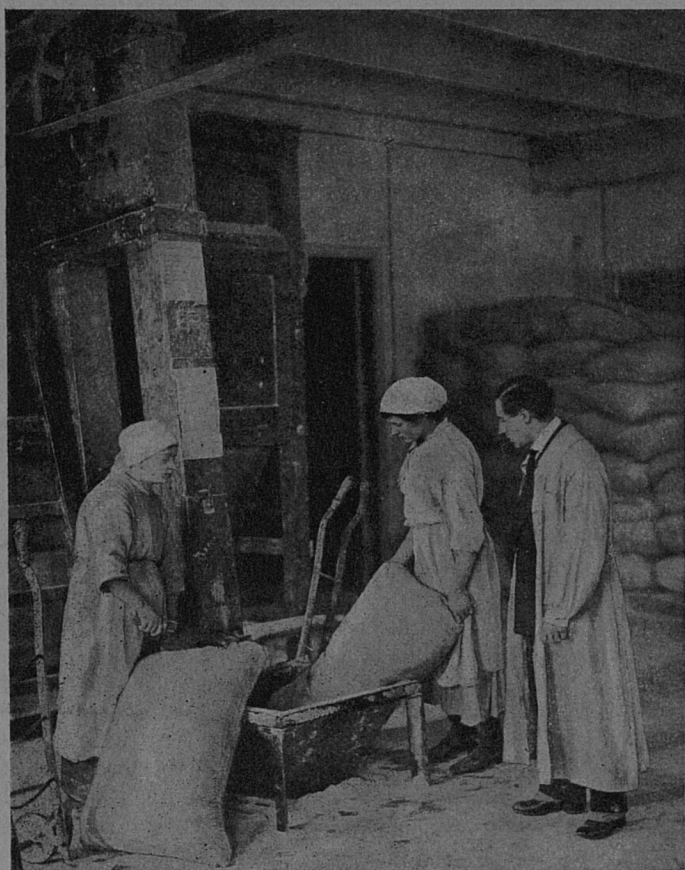
Налѣво снятъ отдѣльно мѣшечникъ, пробирающийся задомъ Сѣнной къ центру рынка.

На Сѣнной — центральномъ рынкѣ петроградской коммуны.

По фотографіи для „Огонька“ А. Поповскаго.

Выпечка хлѣба на коммунальномъ механическомъ заводѣ „Пекарь“.

Связка для удаленія нечистотъ изъ муки.

развѣ не сморщились и не посѣдѣли отъ грима? Тоже... Подумайте, хоть разъ подумайте надъ этимъ безъ помощи автора, а сами...

Актриса вдругъ гордо выпрямилась. Такъ она дѣлала всякій разъ, играя королевѣ.

— Все это чушь... А главное— нервы... Мальчишка съ пьесой просто дуракъ... Публика—это другое дѣло...

Сбоку въ зеркалѣ ей было видно отраженіе, и она осталась довольна.

— А ты, Алена, ты больная... Я позову профессора... конечно, мои нервы... моя тонкая душа подвержены вліянію со стороны... И только...

А потомъ увлеклась совсѣмъ по театральному.

— О, святые восторги искусства... божественный пламень экстаза...

Аля думала.

«Старая и все еще малая... Слѣпой попугай съ крохотнымъ мозгомъ... всю жизнь долбившій чужія слова... всю жизнь показывающій, какъ страдаютъ несуществующимъ страданіемъ выдуманные люди»...

Въ порывѣ заученнаго пафоса актриса подняла руки.

— Ну, какъ тебѣ доказать, Алена? Какъ?

Аля отвѣтила не сразу.

— Дайте мнѣ сегодня сыграть за васъ... останьтесь дома, Раймонда Викентьевна, а я вмѣсто васъ поѣду въ театръ.

— Что?!—ужь совсѣмъ по-просту, ибо это было искреннее изумленіе, переспросила актриса.

— Говорю, дайте мнѣ сыграть за васъ, спокойно повторила Аля.—Тѣмъ болѣе, что сегодня идетъ «Цѣна жизни».. пьеса, которую я знаю лучше, чѣмъ вы... И я сыграю... Вы увидите, что публика не отличить меня отъ васъ.... Всѣ будутъ думать, что это вы...

Актриса пожала плечами.

— Но это же будетъ скандалъ?

— Ни малѣйшаго...

— Въ такомъ случаѣ... играй...

Вздыхнула.

— Играй, Алена...

А потомъ снова вспомнила, что столь важное проходить такъ просто и пожалѣла: вотъ на сценѣ-бы...

— Боже, какъ я устала... Можетъ быть ты права, Аля...

Помолчала и вдругъ оживилась:

— Это будетъ забавно... старая пьеса, много разъ игранная, все равно, и рецензенты написали-бъ нѣсколько общихъ фразъ... А эта затѣя подогрѣетъ интересъ... повліяетъ на сборы... Это очень важно... необходимо, чтобъ говорили, говорили, безъ конца говорили... Пожалуй, я даже сама пойду въ театръ посмотрѣть... Одѣнусь скромно и сяду подальше... Я заранѣе торжествую... Ну, что же ты стоишь какъ вкопанная, Алена? Видишь, какая я... Я ничего не боюсь... Ничего...

* * *

Спектакль проходилъ какъ вчера, какъ третьяго дня, какъ недѣлю тому назадъ. Въ ложахъ слегка флиртовали; партеръ скучалъ, верхъ напряженно и скрыто волновался.

Такъ бываетъ въ театрѣ всегда, независимо отъ того, кто на сценѣ.

Раймонда Викентьевна сидѣла на балконѣ и впервые видѣла себя на сценѣ. Аля добросовѣстно показала всѣ достоинства и недостатки «знаменитой».

Вначалѣ было нѣкоторое предвкушеніе скандала, но его не случилось.

Алѣ повѣрили, ее приняли...

Потомъ новое пришло чувство, — а забавно...

Актриса смотрѣла на окружающихъ

и думала: несомнѣнно, и вчера всѣ эти барышни и толстыя дамы сидѣли точно также, откинувшись, и жевали конфеты... А когда выходила на сцену я, онѣ переставали чавкать и, подавшись впередъ, не спускали глазъ со сцены... Такъ было и сегодня, когда на сценѣ появлялась Аля.

Раймонда Викентьевна повернула голову назадъ: быть можетъ тамъ ждетъ ее радость, быть можетъ оттуда долетитъ звукъ, похожій на скандалъ?

Нѣтъ.

Какъ можно скандалить на спектаклѣ съ участіемъ Буй-Накатовой? Развѣ не ушла

Потребленіе хлѣба гражданиномъ петроградской коммуны.

Валка хлѣба.

Особая машина отрѣзаетъ форму тѣста въ 12 ф., изъ котораго получается каравай въ 11 ф.

частица жизни на муштру этих господ, называемых публикой? И аплодисменты, когда упала занавѣсь, были точно такими же, какъ всегда... Три раза Аля выходила на вызовы, это актриса считала. Потомъ среди шарканья ногъ, привѣтствій, смѣха, извиненій, слухъ поймалъ два-три замѣчанія:

— Ну, какъ?

— Хорошо...

— Въ этотъ театръ только и можно ходить, когда на сценѣ Буй-Накатова...

И снова шарканье, улыбки, нелѣпый разговоръ. Было похоже, что сердце Раймонды Викентьевны сжимается и выталкиваетъ не красную, чуточку соленую кровь, а ѣдкую и тягучую желчь.

Такъ горько.

А къ горлу подступаетъ икота.

Звонки положили конецъ антракту. Всѣ бросились къ своимъ мѣстамъ и сосѣди актрисы съ изумленіемъ ее разглядывали и перешептывались:

— Смотрите, дама плачетъ...

— Какъ странно!...

— Боже, какое счастье быть талантомъ...

— Ее растрогала Буй-Накатова... Можетъ у этой дамы судьба, похожая на судьбу героини...

Пользуясь темнотой, Раймонда Викентьевна вышла. Кругомъ зашикали.

Ахъ, какое ей дѣло.

Пустымъ корридоромъ прошла за кулисы, какой-то актеръ въ гримѣ кивнулъ головой:

Выпечка хлѣба на коммунальномъ механическомъ заводѣ „Пекаръ“.

Посадка хлѣба въ полумеханическую печь.

Работой заняты 300 чел., раздѣленныхъ на смѣны въ теченіе полныхъ сутокъ. Заводъ обслуживаетъ 100% всего петроградскаго населенія.

— Бонжуръ, мадамэль Аля... вы къ Раймондѣ Викентьевнѣ?

Поднявшись по ступенькамъ до своей уборной, Раймонда Викентьевна вдругъ круто повернулась, сбѣжала внизъ, одѣлась и вышла на улицу. Долго шла и повторяла:

— Ну, вотъ... ну, вотъ...

А потомъ, когда морозъ легкимъ ознобомъ вернулъ къ дѣйствительности, подумала:

— Вышло, что Аля права... да, да... права...

Впервые актриса почувствовала въ себѣ отчаянную пустоту,—точно изъ куклы вынули механизмъ и позабыли вложить обратно.

Даже остановилась: какъ же теперь, вѣдь если такъ, то...

И вдругъ, будто кто чужой, шевельнулъ языкъ:

— Какая глупость.

Два маленькихъ, чужихъ слова и словно вода прорвала плотину. Пустоты какъ не бывало: бурля, кувыркаясь и пѣнясь ее наполняли клочья мыслей въ самыхъ несуразныхъ комбинаціяхъ, намеки на чувства весьма разнообразныя, и много, много словъ...

Ровно столько, сколько знала ролей, плюсь чужія реплики.

И все это столь взбаломучено-несуразное, что нормальный человѣкъ сошелъ бы съ ума, все это мало-по-малу приходило въ состояніе покоя и утихомирности. Нутро, — душа и сердце актрисы.

— Какая глупость... вообще, все такая ерунда,—зѣвка пожимая плечами, произнесла Раймонда Викентьевна и направилась черезъ мостъ.

— И вѣдь какъ немного нужно человѣку... вѣдь еще чуть-чуть и вышла бы глупость...

Позвала извозчика и всю дорогу думала: пережитое сегодня пригодится... Это капиталъ для новой пьесы... маленькая и невинная спекуляція... а пока свѣжи воспоминанья о пережитомъ, слѣдуетъ повторить передъ зеркаломъ... что дѣлать, такова жизнь... Ты не умеръ, извозчикъ?

Развѣска и отпускъ хлѣба кооперативамъ.

М. Сазоновъ.

За картофелем и молокомъ.

(Путешествіе интеллигентнаго ѣдока).

Нѣтъ больше сословій.

Не стало дворянъ, мѣщанъ и нѣтъ даже гражданъ. Всѣхъ окрестили новымъ терминомъ въ связи съ карточной системой:

— «Ѣдоки»

А «Ѣдоки» очутились въ подданствѣ у самаго жестокаго и деспотичнѣйшаго изъ царей—царя Голода.

Опустошилъ новый царь всѣ лавки и рынки, конфисковалъ всѣ питательные продукты, выстроилъ «Ѣдоковъ» въ безконечные хвосты и скупо назначилъ имъ по восьми мушкѣ хлѣба въ день.

Къ празднику Пасхи двухмилліонное населеніе Петрограда осталось безъ муки, безъ мяса, безъ сахара, безъ молока, безъ масла.

Заметались въ отчаяніи «Ѣдоки», въ особенности тѣ, у которыхъ голодные дѣти на рукахъ, и бросились слѣдомъ за мѣшечниками въ окрестныя деревни за картофелемъ и молокомъ.

Пишущій эти строки, къ несчастью, тоже «Ѣдокъ», а потому, захвативъ съ собою жестянку для молока и мѣшокъ для картофеля, поспѣдовалъ за другими.

* * *

Уже съ 6-ти часовъ утра у Балтійскаго вокзала большое оживленіе.

У того подѣзда, гдѣ прибываютъ поѣзда, безконечная шеренга взрослыхъ и дѣтей съ корзинками, мѣшками и кувшинами въ рукахъ ожидаетъ пріѣзда мѣшечниковъ и молочницъ.

Охи, вздохи и реплики, въ особенности изъ устъ бабъ, вырываются такіе, какихъ бы не рѣшилась напечатать ни одна самая храбрая газета. При первомъ отдаленномъ свистѣ прибывающаго поѣзда шеренга приходитъ въ неопасуемое волненіе. Но всѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ, такъ какъ знаютъ, что стоить выскочить изъ очереди, и ужъ тогда сосѣди обратно не впустятъ.

— Хлѣбца нѣтъ ли али яичекъ... У меня больной дома!

И никто уже не спрашиваетъ о цѣнѣ, никто не интересуется качествомъ молока. Только бы получить. Только бы не вернуться домой съ пустыми руками.

Мигомъ расхватывается у пріѣхавшихъ весь товаръ, и они съ опустошенными корзинками, мѣшками и жестянками сейчасъ же переходятъ на другую сторону вокзала къ мѣсту отправленія поѣздовъ.

Путешествіе «мѣшечниковъ».

* * *

Здѣсь, у кассы уже огромный хвостъ.

Для проѣзда за Гатчино требуются особые разрѣшенія. А такъ какъ таковыхъ у многихъ нѣтъ, то берутъ билетъ только до Гатчино. Въ Гатчино всѣ бросаются къ кассѣ и запасаются для дальнѣйшаго слѣдованія билетами на слѣдующій поѣздъ. И когда этотъ поѣздъ прибываетъ изъ Петербурга, его буквально штурмуютъ, потому что къ петроградцамъ присоединяется масса гатчинцевъ.

Искатели продовольствія взбираются съ своими мѣшками на крыши вагоновъ, вѣшаются на ступенькахъ и буферахъ.

Въ плотной массѣ человѣческихъ тѣлъ

* * *

Со станціи Елизаветино поѣздъ начинается разгружаться. Мѣшечники и «Ѣдоки», перегоняя другъ друга, спѣшатъ въ окрестныя деревни.

Но не радостно встрѣчаетъ деревня петроградскую голодную братію.

За запертыми наглухо воротами ругаются:

— Опять понаѣхала саранча окаянная... Покоя отъ васъ нѣтъ... Проваливайте по добру по здорovu, пока палкой не огрѣю...

Переходятъ петроградцы отъ двора къ двору, умоляютъ продать если не молоко, такъ хоть картофеля мѣрку по хорошей цѣнѣ.

Но крестьяне, щеголяющие обновками, и слышать ничего не хотятъ.

— Давай сахара въ обмѣнъ, а денегъ намъ и самимъ дѣвать некуда,—говорятъ они.

И бредутъ голодные изъ деревни въ деревню, иной разъ верстъ за тридцать отъ вокзала.

Тѣ, кто запасся тканями или кожей, получаютъ картофель скорѣе, а у кого для обмѣна ничего нѣтъ—платить очень дорого.

Измученные возвращаются петроградцы къ вокзалу, но тутъ-то и предстоитъ самое трудное. На добычниковъ летятъ изъ за заборовъ камни и палки.

— Обобрали деревню, мародеры! Держи ихъ! Этакъ скоро и самимъ жрать нечего будетъ,—вопятъ мужики и бабы, содравшіе за все тройную цѣну.

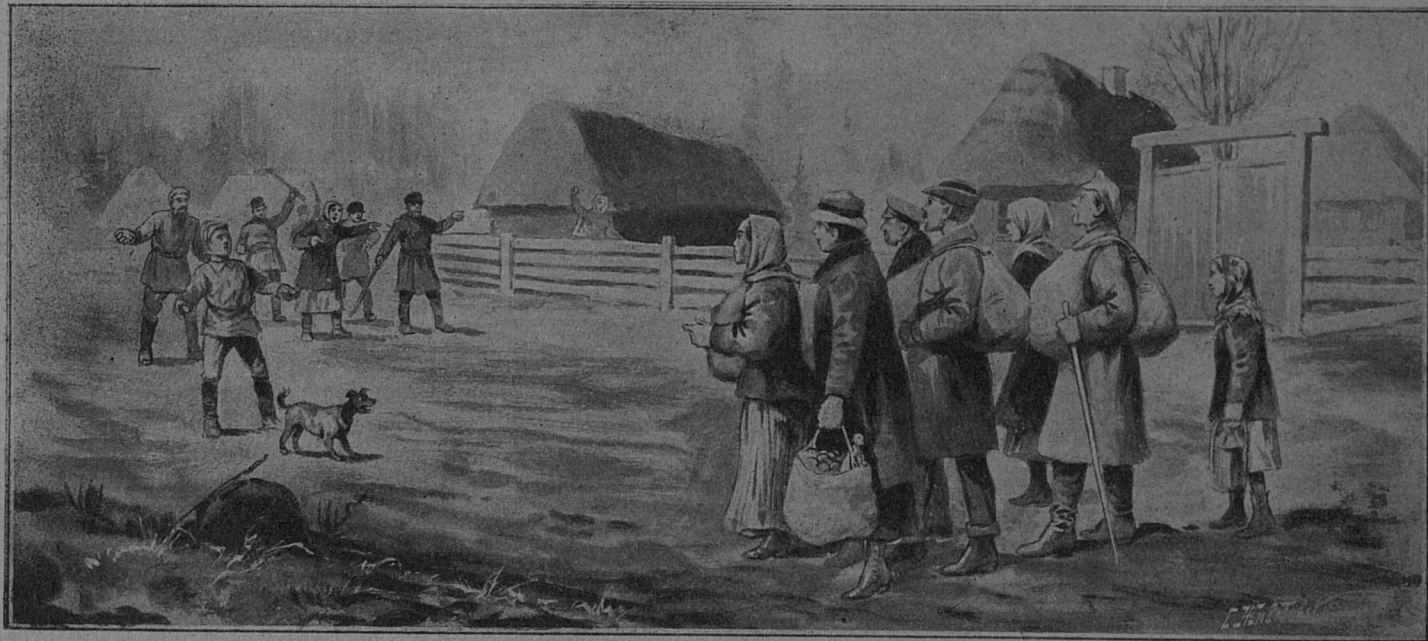
«Добычники» собираются въ кучу и кое какъ прорываются къ станціи.

Здѣсь новая осада поѣзда и болѣе трудная, потому что у многихъ мѣшки наполнены тяжелымъ картофелемъ.

Нѣкоторымъ такъ и не удается попасть въ вагонъ, и они остаются до утра ждать слѣдующаго поѣзда.

По прибытіи въ Петроградъ нужно простоять съ тяжелой ношей еще въ трехъ очередяхъ.

Первая передъ вѣсами, для взвѣшиванія багажа, вторая у кассы, гдѣ взимается плата за багажъ, и третья у контрольных воротъ для предъявленія проѣздныхъ билетовъ. Толкотня, ругань и проклятія сопровождаютъ всю эту процедуру.

Крестьяне задерживаютъ петроградцевъ, закупившихъ въ деревняхъ картофель и молоко.

Къ первой же пріѣхавшей съ поѣздомъ чухонкѣ протягиваются десятки рукъ и несутся умоляющіе голоса:

— Налей, родимая, мнѣ... У меня пять ребятъ голодныхъ... Налей, ради Христа!..

нѣтъ никакой возможности проконтролировать ни пропуски на проѣздъ, ни билеты.

Поэтому болѣе предусмотрительные и экономные путешественники ѣдутъ и совсѣмъ безъ билетовъ.

А въ результатъ—счастливцу удастся привезти въ свою голодную семью одинъ—два пуда картофеля или 3—4 бутылки молока.

С. Животовскій.

ПЕТРОГРАДЪ

ВЪНУТРИ НОВОГО.

СИЛУЭТЫ
ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

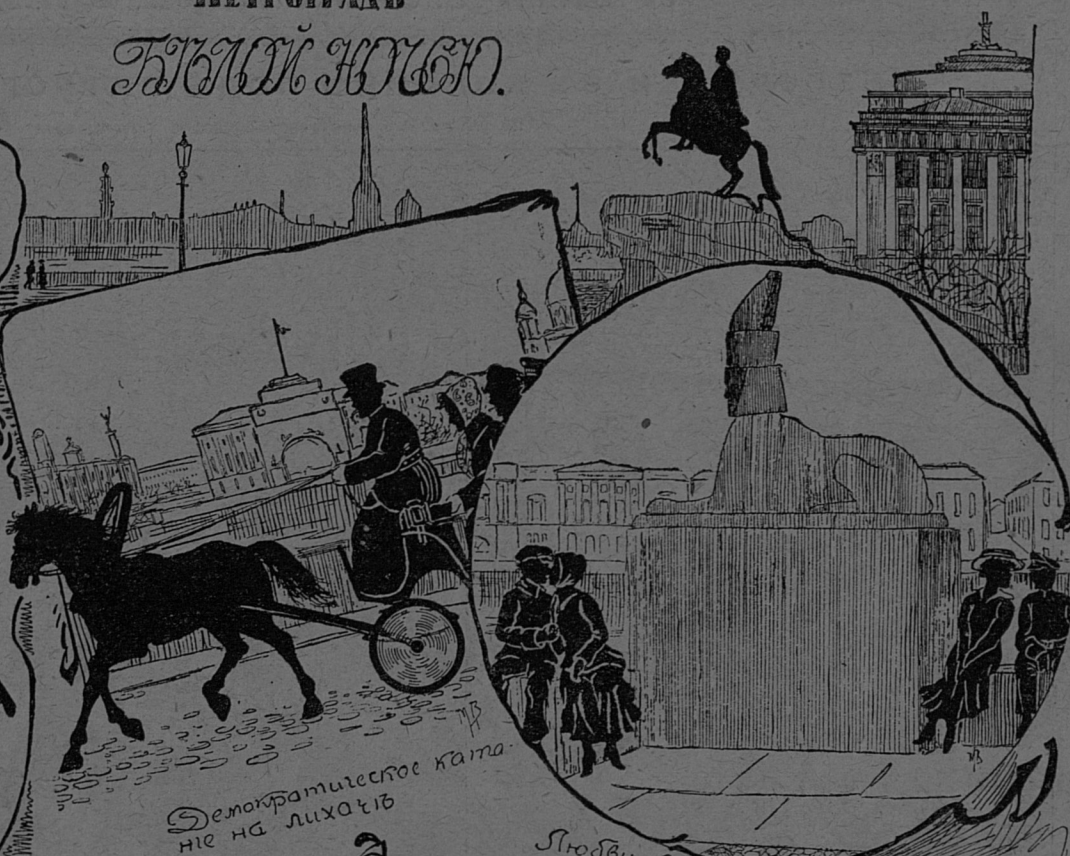
ИЗЪ ПОДЪ ПОЛЫ

ИЗЪ КООПЕРАТИВА

ПО КАРТОЧКѢ

Демократическое капита-
лизмъ на ляхахъ

Любви всѣмъ возрастамъ и сословіямъ
покорны...

„На паяхъ“ изъ театра на
буржуазномъ извозчикѣ

Встрѣча въ глу-
хомъ переулкѣ

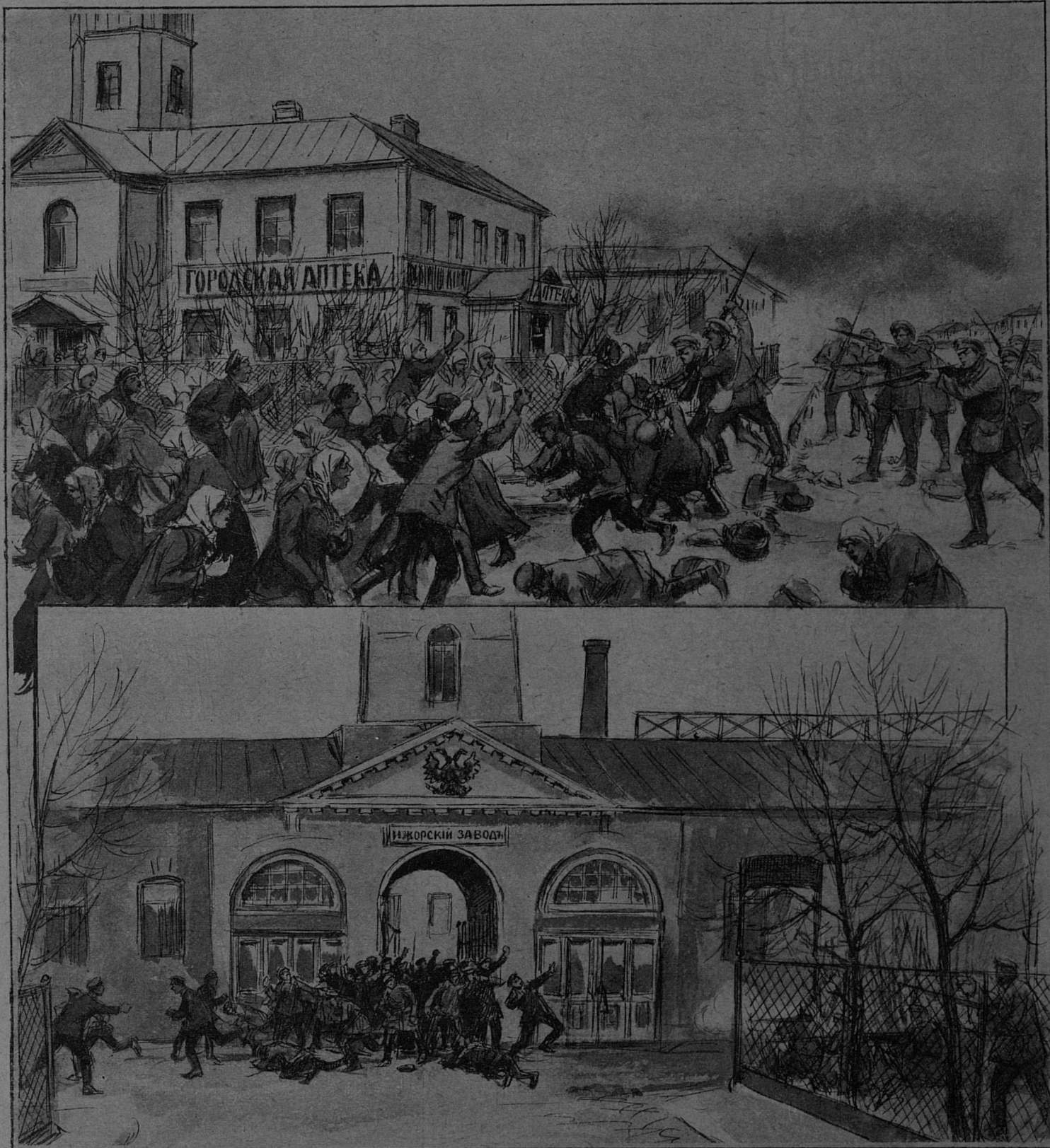

на Невѣ:

Выдача „ОГОНЬКА“ для розничной продажи:
ВЪ ТИПОГРАФИИ ЖУРНАЛА: (Государственная Типография, Гатчинская, 26, входъ со двора),
въ Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“ — Невскій пр., 50
и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“ Галерная, 63, кв. 2, комната 4.

БЕЗПОРЯДКИ ВЪ КОЛПИНѢ ПОДЪ ПЕТРОГРАДОМЪ.

По рассказамъ очевидцевъ рисоваль худ. журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВЪ.

9 мая въ Колпинѣ состоялось на площади собраніе женщинъ по вопросу о голодѣ; красноармейцы собраніе разогнали выстрѣлами и нѣсколькихъ тяжело ранили. Это взволновало рабочихъ Ижорскаго завода, которые и рѣшили создать собраніе. На собраніи была вынесена резолюція съ требованіями о сложеніи полномочій мѣстнымъ совѣдомъ, разоруженіи красной арміи и сдачѣ ею оружія въ ликвидационную комиссію завода. Когда рабочіе уходили изъ собранія, залегшіе противъ завода красноармейцы вновь открыли стрѣльбу. Нѣсколько рабочихъ было ранено. Одинъ изъ нихъ скончался. Начались обыски и аресты; арестовано нѣсколько выбранныхъ на собраніи уполномоченныхъ. 10 мая въ городъ прибыли конные красноармейцы и разогнали женщинъ. Власти расклеили объявленія о томъ, что всѣ митинги и собранія будутъ разстрѣливаться.

Колпинскій разстрѣлъ произвелъ сильное и тягостное впечатлѣніе на петроградскихъ рабочихъ, и на похороны убитаго 14 мая прибыли въ Колпино делегаціи Путиловской верфи, Старога завода, Патроннаго, Арсенала, Сименсъ-Шукерта, Вагоностроит. завода, Акц. о-ва Зигель, Артуръ-Коппеля, Русско-Балт., Обуховскаго, ф-ки Богданова, отъ главныхъ вагон. маст. Ник. ж. д., Гильзоваго, О-ва 86 года, чрезвычайнаго собранія уполном. фабрикъ и заводовъ, ряда крупныхъ госуд. типографій и экспедицій, Невской писчебумажной ф-ки, Главн. маст. С.-З. ж. д., Монетнаго двора и представители р. с.-д. р. п. (объедин.), партіи с.-р., мѣстные представители колпинскаго завода и партійныхъ организацій. Многими делегаціями возлагались вѣнки, преобладали надписи: отъ арсенала „жертвамъ голодныхъ—погибшимъ отъ сытой власти“, отъ бюро уполномоченныхъ фабрикъ и заводовъ „жертвамъ произвола—защитникамъ голодныхъ“, „вѣчная память колпинцамъ, погибшимъ отъ разстрѣла 9 мая“. Настроеніе делегаціи всѣхъ петроградскихъ рабочихъ противъ совдепа твердое и рѣзкое, хотя и спокойное.

Делегация вынесла резолюцію, призывающую рабочихъ къ борьбѣ съ существующей властью и о замѣнѣ ея новой всенародной Учредительнаго Собранія.